

октябрь-декабрь 2020 года

Курьер

ЮНЕСКО

Незаконный оборот культурных ценностей: 50 ЛЕТ БОРЬБЫ

- **Греция: по следам похищенной стелы, Христос Цирояннис**
- **Социальные сети** — новое эльдорадо для торговцев контрабандой, **Том Мэйшберг**
- **Музеи в Нидерландах: честный взгляд на колониальное прошлое, Кэтрин Хикли**
 - **Аргентина в авангарде реституции, Ирене Артман**
- **Китайская бронза со всего мира** — в виртуальном музее, **Тан Цзигэнь**

Организация
Объединенных Наций по
вопросам образования,
науки и культуры

Подпишитесь на печатную версию «Курьера» и получайте свежий номер по почте каждые три месяца

Стоимость подписки:
на один год (4 номера): 27 €
на два года (8 номеров): 54 €

Публикация «Курьера ЮНЕСКО» не преследует коммерческих целей. Доход от продажи используется исключительно для возмещения затрат на печать.

<https://ru.unesco.org/courier/subscribe>

Подпишитесь на электронную версию журнала

**100%
БЕСПЛАТНО**

Следите за нашими новостями в социальных сетях @unescocourier

Facebook

Twitter

Instagram

Читайте «Курьер ЮНЕСКО» и расскажите о нем другим

Содействуйте распространению и использованию журнала в соответствии с принципом свободного доступа к материалам Организации

2020 • № 3 • Издаётся с 1948 года

Ежеквартальный журнал «Курьер ЮНЕСКО» публикуется Организацией Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры. Издание призвано отстаивать идеалы ЮНЕСКО путем обмена идеями на темы международного значения, непосредственно связанные с мандатом Организации. «Курьер ЮНЕСКО» издаётся благодаря поддержке Китайской Народной Республики.

Директор: Матье Гевель

И. о. главного редактора: Аньес Бардон

Ответственный секретарь редакции: Катерина Маркелова

Журналист: Чэнь Сяожун

Языковые версии:

Английский: Шираз Сидхва

Арабский: Фати Бен Хадж Яхья

Испанский: Уильям Наваррете

Китайский: Сунь Минь и Китайский дом издательства и перевода

Русский: Марина Ярцева

Французский: Кристин Эрм, корректор

Цифровой редактор: Мила Ибрагимова

Фоторедактор: Даница Бьяец

Координатор (переводы и верстка): Мари-Тереза Видьяни

Ассистент по административным и редакционным вопросам: Каролина Роллан Ортега

Производство и продвижение:

Иэн Денисон, зав. отделом публикаций
Эрик Фроже, главный помощник по производству

Цифровое производство:
Денис Питцалис, веб-архитектор/
разработчик

Связи с общественностью: Летиция Каси

Перевод: Марина Ярцева,
Александра Шапилова,
Дарья Теплякова,
Екатерина Фламанд

Верстка: Жаклин Женсоллен-Блок

Иллюстрация на обложке:
© ЮНЕСКО/Изображение предоставлено
студией ArnulfoGrafico

Пиктограммы: © icon Stocker/
veronawinner/Shutterstock

Печать: ЮНЕСКО

Стажеры: Лэй Жуньчжоу, Ли Ихун (Китай)

Совместные издания:

Каталонский: Жан-Мишель Арменголь

Корейский: Ким Сун Ми

Португальский: Иван Суза Роша

Эсперанто: Чэнь Цзи

Информация и права на воспроизведение:

courier@unesco.org

7, place de Fontenoy, 75352 Paris 07 SP, France

© UNESCO 2020

ISSN 2220-2323 • e-ISSN 2220-2331

Журнал издаётся по принципу свободного доступа в рамках лицензии Attribution-ShareAlike 3.0 IGO (CC-BY-SA 3.0 IGO) (<http://creativecommons.org/licenses/by-sa/3.0/igo/>). Используя содержание настоящей публикации, пользователи соглашаются с условиями использования Репозитория открытого доступа ЮНЕСКО (<https://en.unesco.org/open-access/terms-use-ccbysa-rus>). Указанная лицензия распространяется исключительно на текст публикации. Для использования иллюстраций требуется получение предварительного разрешения.

Использованные названия и представление материалов в данной публикации не являются выражением со стороны ЮНЕСКО какого-либо мнения относительно правового статуса какой-либо страны, территории, города или района или их соответствующих органов управления, равно как и линий разграничения или границ.

Идеи и мнения, выраженные авторами данной публикации, могут не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и не налагают на Организацию каких-либо обязательств.

Содержание

ШИРОКИЙ ОБЗОР

Незаконный оборот культурных ценностей: 50 лет борьбы

4

Торговцы искусством, торговцы душами

Аньес Бардон

5

Конвенция 1970 года: первый шаг к признанию универсальности культуры

Венсан Негри

9

Рынок искусства: жертва своего успеха

Марк-Андре Ренольд

11

«Наказывать нужно и покупателей»

Интервью с Амром аль-Азмом

13

Индия под угрозой разграбления

Самайита Банерджи

16

По следам похищенной стелы

Христос Циroyаннис

18

Социальные сети — новое эльдорадо для торговцев контрабандой

Том Мэшберг

21

Китайская бронза со всего мира — в виртуальном музее

Тан Цзигэнь

23

Музеи в Нидерландах: честный взгляд на колониальное прошлое

Кэтрин Хикли

25

Аргентина в авангарде реституции

Ирене Артман

28

ФОКУС

30

Тауншип Южной Африки: когда сердце бьется в ритме джаза

Фото: Юрген Шадеберг

31

ИДЕИ

40

Расизм: время открыть глаза

Вероника Таджо

40

НАШИ ГОСТИ

42

«Искусственный интеллект нужно обучать»

Интервью с Од Бернхайм и Флорой Венсан

43

НАГЛЯДНО

46

Бейрут: восстановление начинается с образования и культуры

47

К читателям

Кажется, что прошлой весной пандемия COVID-19 поставила на паузу жизнь во всем мире — но только не незаконный оборот культурных ценностей. Напротив, ослабление наблюдения за археологическими объектами и музеями оказалось на руку расхитителям наследия и торговцам контрабандой, позволив им действовать в полной безнаказанности.

Цифры говорят сами за себя: интерес к античным статуэткам, мозаике, погребальным урнам, рукописям и другим предметам древности никогда еще не был столь высоким. Растущий спрос способствует и росту нелегальной торговли произведениями искусства, которая сегодня осуществляется большей частью через интернет, на площадках, где доказывать законность происхождения товара зачастую не требуется.

Такая торговля — настоящая золотая жила для преступных и террористических групп, и многие из них используют ее для финансирования своей деятельности и отмывания денег. Так, террористическая организация «Исламское государство» с 2014 года приступила к массовому разграблению археологического наследия и музейных собраний в подконтрольных ей районах Сирии и Ирака.

Сегодня незаконный оборот культурных ценностей представляет собой третий по величине сегмент черного рынка, уступая лишь торговле наркотиками и оружием. Он особенно процветает в зонах, охваченных конфликтами, ставя под угрозу не только культурную самобытность народов, но и международную безопасность и мир.

Главную роль в борьбе с ним играет Конвенция ЮНЕСКО 1970 года о незаконном обороте культурных ценностей, которой в этом году исполняется 50 лет. Благодаря ей за прошедшие полвека были приняты существенные меры по разработке законодательства, подготовке специалистов, укреплению международного сотрудничества и содействию возвращению похищенных или незаконно вывезенных предметов искусства. Об эффективности принимаемых мер свидетельствует более глубокое понимание общественностью масштабов культурного, морального и материального ущерба, наносимого незаконным оборотом культурных ценностей, который Организация Объединенных Наций отныне считает военным преступлением. Свидетельствует об этом и решение государств-членов ЮНЕСКО провозгласить 14 ноября международным днем борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей.

Несмотря на достигнутые успехи, окончательно покончить с этой деятельностью мешают, в частности, трудность контроля над онлайн-торговлей, недостаточная строгость санкций и уязвимость объектов наследия. Все это требует от международного сообщества дальнейшей мобилизации усилий.

ШИРОКИЙ ОБЗОР

Древнегреческий кратер с изображением гибели Сарпедона (VI в. до н. э.), незаконно вывезенный из Италии и возвращенный Соединенными Штатами в 2008 г.

Незаконный оборот культурных ценностей: 50 лет борьбы

Конвенция ЮНЕСКО о незаконном обороте культурных ценностей, которой в этом году исполняется 50 лет, по-прежнему является основным инструментом в борьбе с черным рынком антиквариата. За последние полвека эта борьба ожесточилась, осведомленность о моральном вреде разграблений определенно повысилась, однако торговля «кровавыми древностями» продолжает процветать. Эффективно препятствовать ей мешает целый ряд проблем, в том числе высокий спрос на предметы искусства, резко выросшие в цене, недостаточная строгость санкций и уязвимость объектов, находящихся в зонах конфликтов.

Аньес Бардон

ЮНЕСКО

Осень 2019 года. В ходе масштабных операций, проведенных более чем в ста странах, были изъяты монеты различных эпох, старинные виды оружия, керамические изделия, окаменелости и картины. Одна только таможенная служба Афганистана конфисковала в аэропорту Кабула 971 предмет, принадлежащий культурному наследию этой страны. В Мадриде были найдены крайне редкие предметы доколумбовой эпохи, в том числе золотая маска Тумако.

В ходе двух параллельных операций, одна из которых проводилась под руководством Всемирной таможенной организации и Интерпола, а другая координировалась Европолом и Гражданской гвардией Испании, было изъято в общей сложности около 19 тыс. предметов и ликвидировано несколько международных сетей незаконной торговли.

Эта беспрецедентная спецоперация дает представление не только о том, каких масштабов незаконный оборот культурных ценностей достиг в последние десятилетия, но и о важности международного сотрудничества в борьбе с ним. Ключевую роль в этой борьбе по-прежнему играет Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности.

Этот документ был принят 50 лет назад, и все это время он служит для ЮНЕСКО опорой, позволяя ей повышать осведомленность о проблемах, связанных с этой нелегальной деятельностью, оказывать подписавшим Конвенцию странам — которых сегодня насчитывается 140 — помощь в разработке законов и превентивных мер, а также способствовать реституции незаконно перемещенных культурных ценностей.

С момента принятия Конвенции законы в этой области ужесточились, осведомленность общественности выросла, а механизмы мониторинга, отслеживания

и идентификации предметов искусства заметно усовершенствовались. Усовершенствовались, однако, и методы тех, кто занимается незаконным оборотом. К тому же, число таких лиц увеличилось.

Попытки следователей, таможенников и экспертов пресечь эту ставшую уже глобальной деятельность сталкиваются с многочисленными препятствиями. Даже популярность предметов искусства и древностей представляет проблему. Ведь хотя торговля культурными ценностями — явление не новое, никогда еще она не была столь процветающей. Высокий интерес коллекционеров, галерей и музеев к предметам искусства и древностям привел к тому, что их стоимость резко возросла. Согласно докладу о состоянии мирового рынка искусства (*Global Art Market Report*), в 2019 году общий объем продаж на арт-рынке составил примерно 64 млрд долларов.

Теневой рынок

Будучи чрезвычайно прибыльным, рынок искусства привлекает не только инвесторов, но и недобросовестных участников, а также, все чаще, преступные и террористические организации, которые используют его для отмывания денег или финансирования своей деятельности.

Оценка масштабов незаконного рынка — по определению подпольного — в значительной степени затруднена неполнотой и без того немногочисленных статистических данных. Только менее половины государств-членов Интерпола сообщают о совершаемых на их территории кражах культурных ценностей. Хотя точные данные отсутствуют, считается, что незаконная торговля культурными ценностями занимает третье место среди преступных видов деятельности международного характера, уступая лишь торговле наркотиками и оружием.

Кражи картин — особенно таких известных, как «Крик» Эдварда Мунка, украденный в 2004 году в Норвегии, и «Сад у дома священника в Ньюэне весной» Ван Гога, похищенный совсем недавно в Нидерландах, — вызывают большой резонанс в СМИ, однако представляют собой лишь вершину айсберга. Большая же часть незаконной торговли находится в тени и осуществляется незаметно для широкой общественности по запутанным каналам, которые зачастую берут начало в культовых сооружениях, музеях и археологических объектах, расположенных в зонах конфликтов.

Пройдя через страны транзита, украденные предметы попадают в коллекции частных лиц или торговцев, проживающих в столицах западных стран. При этом разрешения на их вывоз оформляются в месте транзита, а не в стране происхождения, что зачастую допускается законами стран назначения.

Когда грабители опережают археологов

В отличие от других видов преступной деятельности, подлежащих полному запрету, торговля культурными ценностями сама по себе запрещенной не является. Очень часто украденные

“*Большинство предметов, найденных грабителями в ходе незаконных раскопок, нигде не зарегистрированы*”

или незаконно приобретенные статуэтки, фризы и старинные керамические изделия попадают непосредственно на легальный рынок. При этом большинство предметов, найденных грабителями в ходе незаконных раскопок, нигде не зарегистрированы, в связи с чем они не подпадают под действие Конвенции 1970 года, а страны происхождения не могут установить их первоначальное местонахождение.

В целях решения данной проблемы и учитывая масштабы разграблений, совершаемых «Исламским государством» и другими группировками в Ираке и Сирии, в 2015 году Совет Безопасности Организации Объединенных Наций принял резолюцию 2199. Она направлена на предотвращение незаконного оборота древностей из этих двух стран путем введения экономических и

дипломатических санкций в отношении стран и лиц, получающих прибыль от незаконной торговли культурными ценностями.

Необходимость ужесточения законов и санкций обусловлена в том числе стремительным развитием онлайн-торговли в последние 15 лет, оказавшимся на руку всем участникам черного рынка: одним щелчком мыши покупатель из любой точки мира могут приобрести статуэтки доколумбовой эпохи и старинную керамику, сохраняя при этом абсолютную анонимность. В 2005 году на онлайн-платформе *eBay* была выставлена на продажу плитка из храма в Ларсе времен царя Навуходоносора, незаконно вывезенная из Ирака в 2003 году.

© UN Photo / Amanda Voisard

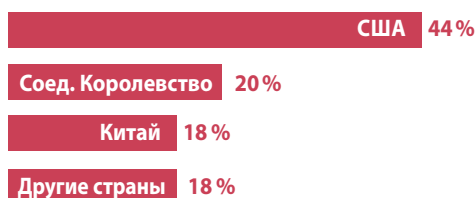
📍 Предмет древности на выставке «Защита культурного наследия: императив для всего человечества», прошедшей в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке в декабре 2015 г.

Культурные ценности: процветающий мировой рынок

Объем продаж на
легальном мировом рынке
искусства в 2019 г. составил
\$64,1 млрд

82 % продаж произведений
искусства в 2019 г. приходилось
на США, Соединенное
Королевство и Китай.

Источник: *The Art Market 2020*

Общая стоимость крупных частных
коллекций произведений искусства
в 2018 г. оценивалась в
\$1 742 млрд

Источник: *Deloitte Luxembourg* и *ArtTactic Art & Finance Report 2019*

**Порто-франко: крупнейшие
в мире хранилища
произведений искусства**

Будучи чрезвычайно прибыльной, торговля произведениями искусства вызывает все больший интерес. Множество предметов хранятся на складах в нескольких десятках свободных портов, пользующихся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Они могут оставаться там долгое время даже после продажи, подчас анонимным покупателям. По данным недавних исследований, эти свободные таможенные зоны могут служить и для хранения незаконно приобретенных произведений искусства.

Рост спроса на предметы древности ведет к увеличению незаконного оборота.
Случаи бесконтрольных раскопок особенно участились в странах, переживающих конфликты.

Страны происхождения

Нелегальные раскопки ведутся не только организованными преступными группами, но и бедным населением.

Страны транзита

Предметы древности прибывают в страны транзита, где для них нередко делают поддельные сертификаты.

Страны назначения

При пособничестве ряда субъектов рынка искусства большая часть похищенных ценностей попадает в частные коллекции или к западным и азиатским арт-дилерам.

Последние десять лет существенная часть незаконной торговли культурными ценностями осуществляется через социальные сети.

В июне 2020 г. компания «Фейсбук» запретила торговлю историческими и культурными объектами на своих платформах.

По состоянию на сентябрь 2020 г. на «Фейсбуке» было выявлено 120 групп по продаже древностей, объединяющих в общей сложности СОТНИ ТЫСЯЧ членов

Источник: *ATHAR*

Около 30 % предметов, изъятых в ходе вышеупомянутой операции Интерпола в 2019 году, уже были выставлены на продажу в интернете.

Пандемия как отягчающий фактор

Кризис, вызванный пандемией COVID-19, еще больше усугубил ситуацию. В рамках проекта *ATHAR*, посвященного исследованиям в области незаконного оборота древностей и антропологического наследия, специалисты по цифровым каналам незаконной торговли предметами искусства отметили, что в период изоляции заметно участились случаи продажи контрабандных предметов, в частности из стран Ближнего Востока и Северной Африки, через социальные сети. После проведенного этим партнером ЮНЕСКО расследования компания «Фейсбук» запретила торговлю историческими культурными ценностями через свои онлайн-платформы.

Это стало первым шагом в нужном направлении. В июне текущего года в рамках празднования 50-летия Конвенции 1970 года ЮНЕСКО провела

онлайн-совещание с мировыми экспертами в области борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей, с тем чтобы изучить воздействие COVID-19 на развитие этой нелегальной деятельности и рассмотреть возможные меры в ответ на расширение ее масштабов. В целях более эффективного сотрудничества в борьбе с незаконной торговлей эксперты рекомендовали сформировать специальные полицейские подразделения, ответственные за мониторинг онлайн-платформ. Они также выступили в поддержку более систематического использования разработанных ЮНЕСКО и ее партнерами инструментов, таких как база данных ЮНЕСКО о национальном наследии, составленный ИКОМ красный список культурных ценностей, находящихся под угрозой, и база данных Интерпола об украденных произведениях искусства.

Отслеживание происхождения похищенных произведений искусства и предметов древности имеет огромное значение, поскольку не только позволяет находить и задерживать занимающихся нелегальным оборотом лиц — то есть

применять сугубо репрессивные меры, — но и делает возможным возвращение предметов в страну их происхождения. Так, Аргентина недавно вернула соседним странам значительное число изъятых на ее территории культурных ценностей.

Вопрос о реституции предметов, вывезенных в колониальный период, является более деликатным и продолжает порождать напряженность между странами, имеющими богатые музейные коллекции, и теми, что требуют возврата предметов, являющихся частью их самобытной культуры.

Это требование, поддерживаемое растущим числом стран, находит все больший отклик среди широкой общественности. Во всемирно известном фильме «Черная пантера» киностудии *Marvel*, вышедшем на экраны в 2018 году, сын принца Н'Джобу — заклятого врага Черной пантеры — украл из музея в Лондоне легендарное оружие Ваканды. Если эта африканская страна является вымышленной, то вопрос о реституции культурных ценностей, напротив, вполне реален.

Историческая конвенция

В 1950-е годы мировую общественность все больше беспокоит рост случаев разграбления археологических объектов и древних памятников. Эта проблема уже привлекала к себе внимание в 1930-е годы, и Лига Наций даже выступала с проектом международного соглашения. Однако после Второй мировой войны, по мере роста национально-освободительного движения, вопрос незаконного оборота культурных ценностей все острее стоит на повестке дня. Обретшие независимость молодые государства, желая вернуть себе объекты своего культурного достояния из музеев бывших колониальных держав, требуют принятия международного документа, который положил бы конец расхищению наследия.

В апреле 1964 года ЮНЕСКО учреждает комитет экспертов и поручает ему подготовить рекомендации для разработки соответствующего соглашения. Оно появляется на свет шестью годами позже и получает название Конвенции о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Конвенция, принятая в 1970 году на Генеральной конференции ЮНЕСКО, вступает в силу 24 апреля 1972 года после ратификации тремя странами — Болгарией, Нигерией и Эквадором. Она становится первым инструментом международного права по защите культурного наследия в мирное время.

Подписавшие Конвенцию государства обязуются принимать меры по охране наследия на своей территории (в том числе путем ведения национального охранного реестра и создания спецслужб), по контролю за оборотом культурных ценностей, в особенности за их незаконным ввозом, и по реституции похищенных объектов.

В 1978 году учрежден Межправительственный комитет по содействию возвращению культурных ценностей странам их происхождения или их реституции в случае незаконного присвоения. Он целенаправленно занимается вопросами возвращения и реституции утерянных и похищенных культурных объектов, в частности тех, что были вывезены до принятия не имеющей обратной силы Конвенции 1970 года. В 1995 году международный инструментарий в этой области дополняет Конвенция УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях, в соответствии с которой возвращению подлежат все украденные объекты, включая те, что не были внесены в реестры. В 1999 году ЮНЕСКО публикует Международный кодекс профессиональной этики для торговцев культурными ценностями, который становится важным ориентиром на рынке искусства и антиквариата.

На сегодняшний день Конвенция насчитывает 140 государств-участников. За 50 лет своего существования она позволила ЮНЕСКО провести многочисленные информационные кампании, помочь десяткам стран в разработке собственных законов и превентивных мер в этой сфере и содействовать реституции незаконно вывезенных культурных ценностей.

Для многих музеев, в том числе для Британского музея в Лондоне и Центра Гетти в Лос-Анджелесе, 1970 год — дата принятия Конвенции — стал точкой отсчета, начиная с которой следует строжайшим образом проверять происхождение приобретаемых объектов. Эта мера позволяет препятствовать незаконному обороту культурных ценностей, попавших на черный рынок недавно.

Конвенция 1970 года:

первый шаг к признанию универсальности культуры

Будучи важным правовым инструментом борьбы с хищением и незаконным оборотом культурных ценностей, Конвенция ЮНЕСКО 1970 года заложила принципы коллективной ответственности и равенства культур и создала предпосылки для признания права народов на свое культурное наследие.

Венсан Негри

Научный сотрудник Института социологии и политологии (Национальный центр научных исследований/Высшая школа «Париж-Сакле»)

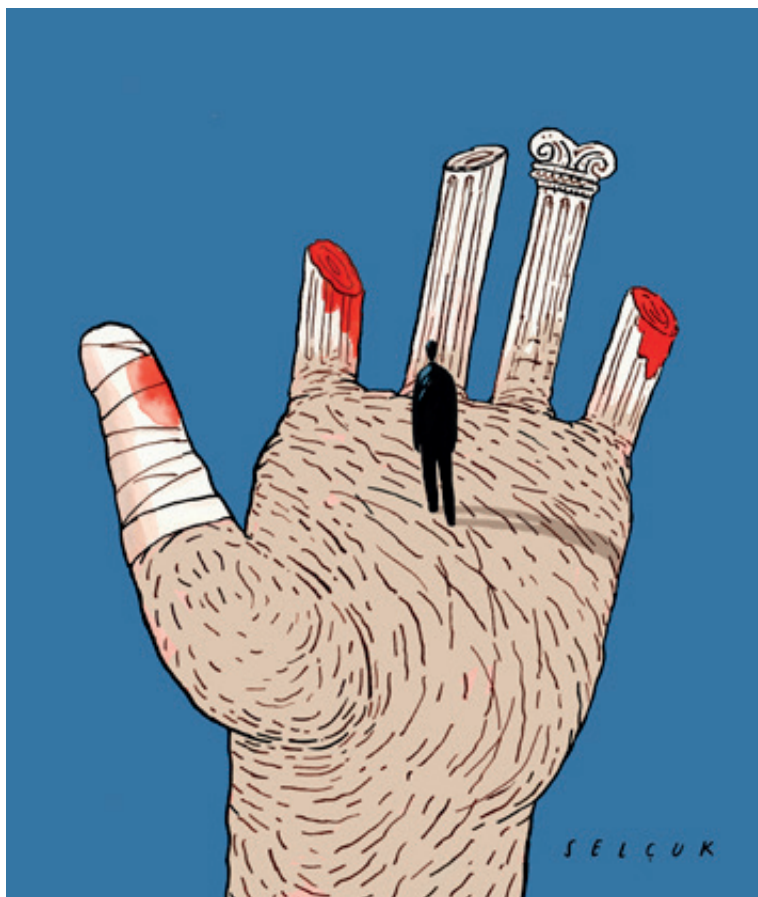
Некоторые идеологи, в особенности проповедники тотального либерализма, усматривают в Конвенции 1970 года о незаконном обороте культурных ценностей попытки укрепить культурный национализм. Другие громко кричат о ее недостатках и упущениях. Этот документ, призванный заложить прочные основы для возврата незаконно вывезенных культурных ценностей, действительно не всегда достигает своей цели. Препятствует тому, в частности, принцип территориальности законов — *lex rei sitae*, лишающий его безоговорочного действия в пределах национальных границ государств и провозглашающий верховенство закона той страны, где культурный объект находился во время изъявления требования о его реституции, над законом страны происхождения объекта. На этом основании некоторые делают поспешный вывод о неэффективности данного международного соглашения, к которому может подтолкнуть и принятие в 1995 году Конвенции УНИДРУА, непосредственно касающейся похищенных и незаконно вывезенных культурных ценностей.

Тем не менее, ограничиваться сугубо юридическим и механистическим прочтением Конвенции было бы ошибкой, ибо ее значение как теоретической базы намного перевешивает имеющиеся в ней пробелы. Она служит фундаментом для непрерывно крепнущего международного порядка в области культуры и закладывает первые кирпичики в формировании принципов

солидарности и коллективной ответственности в деле охраны культурного наследия народов. Статья 9 Конвенции предполагает создание условий, необходимых для предупреждения нанесения непоправимого ущерба объектам наследия, подвергающегося опасности хищения археологических и этнологических материалов.

Устанавливая принципы разделенной ответственности и равенства культур,

Конвенция вносит вклад в признание права народов распоряжаться своим культурным наследием. В ней сформулированы и другие важные мысли. В частности, в преамбуле говорится о том, что «культурные ценности являются одним из основных элементов цивилизации и культуры народов и что они приобретают свою подлинную ценность только в том случае, если точно известны их происхождение, история и окружающая среда».

© Selçuk Demirel

Новый международный порядок в сфере культуры

Таким образом, Конвенция заложила основы для возвращения культурных ценностей странам их происхождения. О ее глубоком влиянии свидетельствует итало-ливийская декларация 1998 года о прекращении конфликта вокруг культурных ценностей, вывезенных из Ливии в начале XX века, когда Триполитания была итальянской колонией. Декларация предусматривала возвращение этих ценностей Ливии, ссылаясь при этом на Конвенцию 1970 года, хотя вывезены они были задолго до ее принятия и Конвенция, не имея обратной силы, применяться не могла.

В этом конкретном случае ссылка делалась не на юридические или институциональные механизмы Конвенции, а на установленную ей доктрину о правомерности возвращения культурных ценностей. В этом отношении Конвенция 1970 года, принятая на десять лет позже Декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам (1960), стала поворотным моментом. Она ознаменовала собой начало формирования нового международного порядка в сфере культуры — порядка, признающего право на культурное самоопределение, о котором говорится в Декларации ООН 1960 года: «все народы [...] свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие».

В процессе формирования этого нового порядка Конвенция 1970 года служит своего рода регулятором, закрепляя необходимость контроля за оборотом культурных ценностей и их возвращения странам происхождения. Со времени ее принятия рынок искусства, до того почти не связанный этическими обязательствами, вынужден подчиняться

более строгим правилам в отношении проверки происхождения объектов.

Что касается деятельности музеев, то в «Этике приобретения», изданной Международным советом музеев (ИКОМ) в 1970 году и заложившей основы нынешнего Кодекса музейной этики ИКОМ, уже тогда говорилось, что «до приобретения предмета, независимо от его типа, надлежит удостовериться в наличии составленных должным образом документов, отражающих полную историю предмета и ясно свидетельствующих о законности его происхождения. Это относится как к произведениям искусства, так и к любым другим предметам, имеющим отношение к археологии, этнологии, истории и естественным наукам». О том же говорится в Руководящих принципах, разработанных Американской ассоциацией руководителей музеев (AAMD) и подчеркивающих важность проявления должной осмотрительности при выяснении происхождения культурных объектов.

Признание культуры во всем ее многообразии

Сегодня Конвенцию 1970 года дополняет Конвенция ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, принятая в 2005 году. Используемое в ней понятие культурного разнообразия выступает логическим продолжением права на самобытность, вытекающего из права на собственное культурное наследие.

На практике это означает, что в отношении государств необходимо признать их право отстаивать собственную идентичность в рамках суверенных полномочий, основанных на равенстве всеобщих прав, а в отношении общин и социальных групп — предоставить им дифференцированные права с целью компенсации нанесенного ранее ущерба, например, в связи с колониальным прошлым.

Вспомним, что писал по этому поводу немецкий философ и специалист по истории искусства Вальтер Беньямин в 1940 году: «Не бывает свидетельств культуры, которые не были бы одновременно свидетельствами варварства. И подобно тому, как от варварства несвободны культурные ценности, не свободен от него и процесс передачи традиции, в ходе которого они переходили из рук в руки». Принципы коллективной ответственности и равенства культур, которые устанавливает Конвенция 1970 года, отражаются и на признании всего многообразия культур, с их историчностью, отличительными особенностями и ценностями.

Уважение особенностей культур

Конвенция отнюдь не является орудием культурного национализма, как пытаются убедить нас люди, не способные мыслить широко. Напротив, она связывает воедино разнообразие культур и универсальность, и единство это становится еще более очевидным в последние два десятилетия, по мере того как международное право в области культуры отводит все больше места роли и функциям общин. Также все большее распространение получает мысль о том, что человек может принять и признать парадигму универсальности только в том случае, если полностью признается его собственная идентичность, неразрывно связанная с его культурой и наследием, — идентичность, которая одновременно отличает его от другого и позволяет ему ощущать себя частью единого разностороннего целого, приобщая к идее универсальности культуры.

Культурное разнообразие является гарантом сохранения всего множества самобытных общностей и уважения к ним. Оно способствует защите местных особенностей и признанию различий и составляет ядро «взаимопонимания между народами», упомянутого в преамбуле к Конвенции 1970 года.

В преамбуле также утверждается, что «обмен культурными ценностями между странами [...] расширяет знания о человеческой цивилизации, обогащает культурную жизнь всех народов и вызывает взаимное уважение и понимание между странами». Таким образом, нет никаких сомнений в том, что начало движению к универсальности, основанной на признании разнообразия культур, положила Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности, принятая 14 ноября 1970 года.

“ Конвенция заложила основы для возвращения культурных ценностей странам их происхождения ”

Рынок искусства:

жертва своего успеха

Незаконная торговля предметами искусства и древности — один из наиболее прибыльных сегментов черного рынка. Ее процветанию способствуют, в частности, высокий покупательский спрос, пробелы в законодательстве, пособничество участников рынка, рост числа разграблений в охваченных конфликтами странах и развитие торговли через интернет.

© UNESCO / Christelle ALIX

📍 **Лед и лебедь.** Это полотно XVI в., предположительно кисти Лелио Орси, стало частью выставки «Возвращенные сокровища», прошедшей в ЮНЕСКО в октябре 2019 г. и посвященной успеху карбинеров в поиске похищенных произведений искусства.

Марк-Андре Ренольд

Профессор Женевского университета, руководитель кафедры ЮНЕСКО по международному праву в сфере защиты культурных ценностей, директор Центра по правовым вопросам в сфере искусства

Согласно докладу о состоянии мирового рынка искусства (*Global Art Market Report*), в 2019 году объем этого рынка составил не менее 64 миллиардов долларов. Эта колоссальная цифра — результат высокого спроса на произведения искусства и памятники древности, который в последние годы продолжал неизменно расти.

Парадокс заключается в том, что такой интерес к культурным ценностям ставит под угрозу их сохранность, поскольку увеличение спроса способствует не только развитию легального рынка искусства, но и росту числа краж из музеев, частных коллекций и культовых сооружений. Порой оно приводит к необратимому разрушению археологических объектов и разграблению старинных зданий и памятников.

В отсутствие статистических данных оценить масштабы нелегального рынка непросто, однако некоторое представление о нем позволяют составить недавние беспрецедентные случаи изъятия полицией культурных ценностей в ряде европейских стран. Например, в октябре 2019 года в Болгарии в ходе операции «Медикус» Европол изъяс 4600 предметов искусства и арестовал восемь человек. Спустя месяц в результате операции в Италии были изъяты 10 000 предметов и арестованы 23 человека.

Легализация предметов искусства

Ключевую роль в торговле похищенными ценностями играет соучастие различных субъектов рынка искусства — торговцев, аукционистов, музейных хранителей и частных лиц, — причем независимо от того, действуют они добросовестно или нет. Пособничество лиц, предоставляющих фальшивые документы и сертификаты о происхождении, имеет решающее значение для легализации предметов искусства. Незаконному обороту также способствует отсутствие четких норм и необходимых средств для обеспечения соблюдения закона.

Когда похищенные произведения искусства и культурные ценности при помощи галерей и аукционных домов попадают на легальный рынок, распознать их становится сложнее. Тот лишь факт, что объект продается в художественной галерее или выставлен в музее, может снять опасения относительно его происхождения, каким бы сомнительным оно ни было на самом деле.

Рост числа конфликтов в последние годы еще больше усугубил ситуацию. «Арабская весна» 2011 года и последовавшие за ней гражданские войны повлекли за собой систематические кражи предметов древности представителями малоимущего населения и организованными преступными группами.

Музеи, археологические объекты и памятники, составлявшие уникальное культурное наследие Сирии и Ирака, были разграблены. В марте 2017 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию 2347, в которой выразил свою озабоченность этой ситуацией и отметил, что незаконный оборот предметов древности является одним из источников финансирования «Исламского государства». В резолюции также подчеркивается, что для нелегальной торговли все чаще используется интернет.

Развитие торговых онлайн-площадок и социальных сетей действительно значительно упростило продажу незаконно приобретенных культурных ценностей. Одновременно с этим новые технологические разработки, такие как гидролокаторы и подводные роботы, облегчили задачу грабителям, позволяя ускорить проведение незаконных раскопок, в том числе в труднодоступных местах.

Недостаточная строгость наказаний

В ответ на активное развитие нелегального рынка государства принимают нормативные акты, которые нередко основываются непосредственно на международных конвенциях ЮНЕСКО. Однако в своих усилиях страны сталкиваются с целым рядом препятствий. Так, требования, касающиеся экспорта, зачастую являются слишком жесткими, что затрудняет

их выполнение. Кроме того, меры уголовной ответственности, если таковые предусмотрены, как правило, предполагают применение наказаний, имеющих слабый сдерживающий эффект.

Еще одна проблема заключается в том, что соблюдение действующих правил в большинстве случаев не вознаграждается надлежащим образом. Дело в том, что многие предметы люди находят случайно в ходе сельскохозяйственных или строительных работ. Но в отсутствие вознаграждения, а также желая избежать приостановки своей деятельности, неизбежной в случае начала археологических раскопок, лица, обнаружившие предметы древности, зачастую предпочитают их уничтожить или продать на черном рынке. Наконец, принимаемые государствами правовые и нормативные меры часто оказываются неэффективными, когда дело касается мониторинга и регулирования деятельности участников рынка искусства.

С учетом всего сказанного есть основания опасаться того, что если государства не примут мер для устранения этих правовых пробелов, а международное сообщество не активизирует свои усилия, проблема незаконного оборота культурных ценностей будет решена еще не скоро.

ЮНЕСКО и Евросоюз: вместе против незаконного оборота культурных ценностей

Европейский союз, на который приходится существенная доля мирового рынка искусства и предметов древности, обязывает своих членов соблюдать строгие нормы, направленные на борьбу с незаконным оборотом культурных ценностей. В стремлении содействовать осуществлению Конвенции ЮНЕСКО 1970 года, резолюций Совета Безопасности ООН и своего собственного законодательства, касающегося ввоза, вывоза и реституции культурных объектов, ЕС объединил усилия с ЮНЕСКО и выделил свыше 1,2 млн евро на проведение конкретных мероприятий.

Начиная с 2017 года более 600 специалистов из государственного и частного секторов приняли участие в семинарах и совещаниях информационного и практического характера, посвященных мерам борьбы с незаконным оборотом. Особый упор при этом делается на усилении должной осмотрительности, т. е. проверки информации о продавце и товаре, при покупке предметов на европейском арт-рынке. В марте 2018 года в штаб-квартире ЮНЕСКО состоялась конференция на тему «Привлечение участников европейского рынка искусства к борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей», в ходе которой Организация подтвердила свое намерение и далее сотрудничать с ЕС в этой области.

Результатом партнерства ЮНЕСКО и ЕС также стали два открытых онлайн-курса (МООК) для участников европейского арт-рынка и публикация «Борьба с незаконным оборотом культурных ценностей: практическое руководство для судебных и правоохранительных органов ЕС». Важное место отводится и повышению осведомленности широкой публики, в частности посредством видеороликов, а также взаимодействию властей стран назначения, транзита и происхождения культурных ценностей.

В настоящее время осуществляется еще одна совместная инициатива ЕС и ЮНЕСКО, посвященная межрегиональному и межведомственному сотрудничеству. В ее рамках с представителями всех ключевых областей, включая сотрудников музеев и других культурных учреждений, госслужащих, глав судебных и правоохранительных органов, проводится работа с целью расширения деятельности по борьбе с незаконным оборотом за пределы государств-членов ЕС и привлечения к ней партнеров из числа стран западной части Балканского полуострова и стран южного Средиземноморья, охваченных Европейским инструментом соседства.

«Наказывать **нужно и** покупателей»

Незаконный оборот предметов древности, вывезенных из зон военных действий на Ближнем Востоке, в последние 20 лет неуклонно растет. Несмотря на то, что эта деятельность осуждается на международном уровне, бороться с ней по-прежнему сложно. Чтобы положить этому конец, необходимо в том числе ужесточить наказания для покупателей таких ценностей, объясняет археолог и профессор антропологии и истории Ближнего Востока Университета Шони (Огайо, США) Амр аль-Азм.

Беседу провела Летиция Каси

ЮНЕСКО

● **Какова вероятность того, что музеи и археологические объекты, находящиеся в зоне военного конфликта, подвергнутся разграблению?**

Во время военного конфликта государство теряет контроль над частью своей территории и, ввиду ослабления государственных институтов, не может больше защищать свое население и земли. Музеи и археологические объекты также остаются без защиты, что ведет к кражам и нелегальным раскопкам. Очень часто разграблением занимаются местные жители — для них это становится способом выживания.

Террористические организации, которые составляют лишь часть расхитителей, в той же мере пользуются ситуацией.

Сети незаконного оборота предметов искусства существуют уже давно. На Ближнем Востоке они появились задолго до того, как начались десятилетия войны. Торговцы контрабандой зачастую были в сговоре с коррумпированными чиновниками или военными. Изменение геополитического ландшафта никак не повлияло на сами сети — изменились только их сообщники. Дилеры адаптировались к ситуации, наладив взаимодействие с теми, кто находится у власти, и в некоторых регионах на этом месте оказались террористические группировки.

● **Почему вооруженные террористические группировки совершают нападения на культурное наследие? Только лишь для того, чтобы финансировать свою деятельность?**

Действительно, незаконный оборот произведений искусства служит для финансирования, так же как незаконный оборот природных ресурсов и нелегальное взимание налогов с гражданского населения. Но это не единственная причина.

Террористы очень хорошо понимают ценность культурного наследия. Атаки на культурные объекты, как правило, заранее спланированы и ставят целью нанести максимальный ущерб, как материальный, так и моральный, ведь нарушение политической стабильности представляет собой настоящую угрозу для культурной идентичности государства. Например, уничтожение «Исламским государством» таких важных исторических памятников, как храм Бэла в Пальмире (Сирия) и коллекции музея в Мосуле (Ирак), было преднамеренным действием, совершенным с целью пропаганды и демонстрации своей безнаказанности, с одной стороны, и бессилия местных властей и международного сообщества, с другой стороны.

Вооруженные террористические группы также используют объекты культурного наследия в качестве стратегической базы, так как знают, что значимость этих объектов для международного сообщества обеспечит им защиту от бомбардировок. Когда в 2015 году ИГИЛ занял Пальмиру, ни одно из государств — членов ЮНЕСКО не рискнуло нанести удары с воздуха по объекту, внесенному в Список всемирного наследия.

📌 **Древние клинописные таблички и изделия из глины, найденные в университете Мосула в апреле 2017 г. По мнению представителей местной полиции, они могли быть похищены боевиками ИГИЛ из музея Мосула.**

● В 2015 году, на фоне роста незаконного оборота культурных ценностей на Ближнем Востоке, Совет Безопасности ООН единогласно принял резолюцию 2199, которая запрещает торговлю культурными объектами из зон конфликта. Тем не менее, они продолжают поступать на черный рынок. Как можно объяснить этот феномен?

В большинстве стран, где рынок искусства регулируется законодательством, разрушение и кража произведений искусства считаются уголовным преступлением. Однако ситуация с владением похищенными культурными ценностями иная.

Сегодня аукционный дом, музей или коллекционер, который был обвинен во владении объектом, вывезенным из зоны военных действий, несомненно, может преследоваться по закону. Однако юридические последствия будут зависеть от норм гражданского права страны покупателя. Самое суровое наказание, предусмотренное на данный момент, — это обязать владельца, будь то организация или частное лицо, вернуть объект стране происхождения. И это все.

“ Без спроса не было бы и предложения ”

На подпольном рынке циркулируют десятки тысяч произведений искусства. Для покупателя или торговца перспектива время от времени возвращать некоторые объекты — риск вполне разумный.

Несмотря на принятие резолюции 2199, в странах, где торговля произведениями искусства разрешена, зачастую отсутствуют юридические инструменты, необходимые для ее исполнения. Ситуация изменится только тогда, когда государства примут реальные меры для того, чтобы виновные были наказаны. А чтобы сдерживающий эффект наказаний был высоким, они должны быть более жесткими.

Взгляд на эту проблему также должен измениться. К примеру, в прошлом году на аукционе *Christie's* был выставлен бюст Тутанхамона, и не могло быть никаких

сомнений в том, что он был похищен и вывезен из Египта незаконно. Ситуация широко обсуждалась в прессе. При этом всех интересовал вопрос не о том, была ли скульптура украдена, а о том, когда она была украдена — до или после принятия Конвенции ЮНЕСКО 1970 года о мерах по запрету и предупреждению незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Иными словами, попала ли скульптура на рынок законным путем или нет. Казалось, никто и не задумывался о самом факте кражи — хотя уже это является уголовным преступлением.

До тех пор пока в нашем обществе не произойдут кардинальные изменения, на арт-рынке продолжают появляться произведения искусства, незаконно приобретенные в зонах боевых действий и не только.

Культурные ценности: неизменная жертва вооруженных конфликтов

Монеты, статуэтки, древние рукописи... Начиная с 2011 года на аукционах в Европе и США было продано около сотни предметов, незаконно вывезенных из Йемена, а общая выручка от их продажи оценивается в миллион долларов. Из музея сирийского города Эр-Ракка, который одним из первых был захвачен боевиками «Исламского государства», в 2014 году было похищено несколько сотен ценнейших экспонатов. Год спустя около 10 тыс. произведений искусства было украдено из музея Идлиба.

Зная о высокой стоимости этих объектов, члены ИГИЛ и в Ираке, и в Сирии приступили к методичному разграблению музеев и археологических памятников на всей оккупированной ими территории. Террористами был также введен налог на продажу похищенных культурных ценностей. Директор Лувра Жан-Люк Мартинес отмечает в своем докладе о защите наследия в ходе вооруженного конфликта, представленном в ноябре 2015 года, что «кровавые древности» могли обеспечивать «до 15–20 % дохода ИГИЛ», став для него одним из главных источников средств наряду с торговлей нефтяными ресурсами.

В последние десятилетия культурное наследие Афганистана, Мали, Йемена, Ирака и многих других стран оказалось на передовой вооруженных конфликтов. Оно подвергается разрушению, которое может быть как основной целью, так и побочным эффектом военных действий, и расхищению, становясь желанным трофеем различных группировок. Учитывая, что торговля культурными ценностями является важным способом получения дохода для преступных организаций, эта проблема самым непосредственным образом связана с общественной безопасностью.

Разграбление и незаконный оборот культурных ценностей — это прямой удар по национальной идентичности народов, способный серьезно дестабилизировать охваченные конфликтами

регионы. Широко используя для финансирования террористической деятельности, они лишь укрепляют порочный круг насилия и ставят под угрозу будущее этих регионов. «Незаконный оборот, разрушение объектов, экстремистская пропаганда и отрицание истории являются элементами всеобъемлющей стратегии, в отношении которой сообщество наций должно принять комплексные меры реагирования», — заявила Генеральный директор ЮНЕСКО Одрэ Азуле на заседании Совета Безопасности ООН, прошедшем 30 ноября 2017 года и посвященном защите культурного наследия.

Осознание масштабов этой проблемы в последние годы подтолкнуло мировое сообщество к ряду новых решений. Так, в 2015 году Совет Безопасности ООН принял резолюцию 2199, запрещающую торговлю культурными ценностями из Ирака и Сирии, а два года спустя была единогласно принята резолюция 2347, в которой впервые говорится о связи защиты культурного наследия с безопасностью, а намеренное уничтожение этого наследия приравнивается к военному преступлению.

Резолюции ООН заложили основу для правовых мер на национальном уровне. В 2017 году Совет Европы принял Конвенцию о правонарушениях, связанных с культурной собственностью, а Уругвай объявил о создании комитета по борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей. В 2016 году Соединенные Штаты приняли закон об ограничении ввоза культурных ценностей из Сирии, и их примеру последовали многие другие страны. В Швеции было создано специализированное подразделение полиции.

Инициативы последних лет придали новый импульс международному сотрудничеству в этой области, начало которому 50 лет назад положила Конвенция ЮНЕСКО 1970 года.

● **Какова доля ответственности аукционных домов, музеев и коллекционеров?**

Все очень просто: без спроса не было бы и предложения. С одной стороны стоят злоумышленники, которые разграбляют культурные ценности на местах и поставляют их на рынок. Это предложение. С другой стороны находятся покупатели. Это спрос. Борясь с предложением, власти решают только часть проблемы. Крайне необходимо, чтобы государство вырабатывали новые стратегии борьбы. Аукционный дом, который был признан виновным в продаже произведения искусства, незаконно вывезенного из страны, в которой ведутся военные действия, должен преследоваться по антитеррористическим законам. Наказывать нужно как тех, кто создает предложение, так и тех, кто создает спрос, — и грабителей, и покупателей.

● **Можно ли провести параллель с незаконным оборотом оружия или наркотиков, который также происходит на Ближнем Востоке?**

Незаконный оборот произведений искусства и древностей начинается с незаконных раскопок. После этого нужно вывезти похищенное, продать его, перевезти через границу и вывезти на арт-рынок, где оно снова будет продано, чтобы закончить свой путь в выставочном зале или частной коллекции.

В этом процессе задействовано множество участников. Это настоящая сеть, которая действительно напоминает сети торговцев оружием или наркотиками.

Торговля культурными ценностями, вывезенными из зон военных действий, — некоторые называют их «кровавыми древностями», но мне этот термин кажется не очень удачным, — лишь одно из направлений деятельности незаконных сетей. Как правило, незаконный оборот древностей неразрывно связан с оборотом оружия. В ходе операций по изъятию оружия и предметы древности нередко обнаруживаются в одном месте.

“Самое суровое наказание, предусмотренное на данный момент, — это обязать владельца вернуть объект стране происхождения”

© Editions Geibart

📍 **В 2010 г. грабители при пособничестве каменотесов похитили фрагменты фриза из древнего города Хатра, Ирак.**

На деле все эти сети тесно связаны между собой, во многом потому, что эти виды подпольной торговли чрезвычайно прибыльны. Однако если функционирование сетей похоже, то наказания различны. Человек, у которого нашли килограмм героина, окажется в тюрьме. Если у того же человека найдут украденное произведение искусства, ему достаточно будет просто его вернуть.

● **Сможем ли мы когда-нибудь остановить незаконный оборот культурных ценностей?**

Многие страны принимают в этом направлении меры на национальном уровне. В большинстве стран Ближнего Востока торговля древностями запрещена. Таким образом, если на рынке появится статуя, скажем, из Ливии, можно быть уверенным, что она была приобретена незаконно.

Международные организации содействуют национальным органам в ликвидации сетей незаконного оборота культурных ценностей. Так, ЮНЕСКО создала базу данных о национальном законодательстве в области культурного наследия. Международный совет музеев (ИКОМ) составляет красные списки культурных ценностей, находящихся под угрозой, а ИНТЕРПОЛ ведет базу данных

похищенных произведений искусства, которая регулярно обновляется.

Однако принимаемые меры должны быть согласованы на местном уровне. Зачастую местные сообщества остаются в стороне, поскольку в борьбе с незаконным оборотом крупные организации склонны сотрудничать непосредственно с государственными структурами.

При этом в регионах, охваченных войной, где эти структуры не могут выполнять свою функцию, на передовой оказываются местные сообщества, активисты или НКО.

В январе 2018 года две ракеты нанесли удар по музею сирийского города Мааррат-эн-Нууман, сильно повредив остов здания. Благодаря представителям местного сообщества, в частности директору музея, группе экспертов, куда входил и я, смогла прибыть на место трагедии, оценить масштаб разрушений и оказать первую помощь. Доклад о проделанной работе был отправлен напрямую в ЮНЕСКО. Организация оперативно предоставила финансовую и экспертную поддержку, благодаря которой удалось уберечь здание от обрушения. Это сотрудничество позволило спасти музей и предотвратить исчезновение одной из наиболее выдающихся коллекций римской и византийской мозаики в Сирии.

Нам необходимо пересмотреть свои методы работы. Незаконный оборот культурных ценностей ведется на протяжении уже нескольких тысячелетий, и только тесное взаимодействие заинтересованных сторон на международном, национальном и местном уровне может помочь нам остановить его.

Индия *под угрозой разграбления*

С целью препятствовать вывозу из страны культурных ценностей, пользующихся большим спросом на мировом рынке антиквариата, Индия приняла жесткие законодательные меры. Осуществление их на практике, однако, сталкивается с многочисленными сложностями. Главные причины того — бедность населения, подталкивающая его к разграблению, и нехватка персонала для охраны археологических и культурных объектов.

Самайита Банерджи

Научный работник, специалист в области археологии и сохранения наследия при университете Ашоки (Индия), стипендиат программы ЮНЕСКО-Сахапедия 2018 года

Руины древнего города Чандракетугарх неподалеку от деревушки Берачампа, что в 30 км от столицы Западной Бенгалии Колкаты, являются одним из самых ранних свидетельств цивилизации в восточной Индии.

Увы, от былого величия остались лишь жалкие следы. Плачевное состояние этого археологического памятника II века до н. э. во многом стало результатом неэффективных охранных мер, недостаточной научной работы и бездействия государства — проблем, от которых страдает все археологическое наследие страны. Предметы древности, незаконно вывезенные из Чандракетугарха, разошлись по всему миру и входят в собрания крупнейших музеев мира и в частные коллекции.

При этом механизмы по защите этого богатейшего наследия в Индии имеются. Так, закон о предметах древности и произведениях искусства, принятый в 1972 году и измененный в 1976 году, запретил вывоз с территории страны какого бы то ни было археологического памятника и обязал частных владельцев проявлять должную осмотрительность. С принятием закона все археологические объекты и места раскопок перешли во владение государства, которое также стало принимать усиленные меры по возвращению похищенных артефактов.

Тем не менее, уже через несколько лет после вступления закона в силу, в период с 1977 по 1979 год, было зарегистрировано около 3000 случаев хищения предметов древности. По оценкам ЮНЕСКО, по ситуации на 1989 год из страны было нелегально вывезено более 50 тыс. произведений искусства. Однако власти сходятся во мнении, что реальные масштабы разграбления оценить невозможно.

Долгая история разграбления

Стоит отметить, что расхищение памятников древности в Индии — явление не новое. Если в последние годы расхитителями движет преимущественно жажда наживы, то в прошлом эта деятельность правомерно совершалась

колониальными властями после установления контроля над местным населением.

В 1861 году, еще во времена британской колонии, в Индии была основана Археологическая служба, ныне находящаяся в ведомстве Министерства культуры. На нее были возложены задачи по защите культурного наследия нации, обеспечению сохранности древних памятников, содействию научно-исследовательской работе и надзору за местами археологических раскопок.

Таким образом, именно Археологическая служба Индии отвечает за защиту и сохранение 3650 исторических памятников, охватывающих период с первобытных времен до колониальной эпохи. Но даже при наличии специального учреждения законодательство об охране памятников не исполняется должным образом, в частности ввиду нехватки персонала.

Между тем расхищение древних индийских сокровищ из храмов и с мест раскопок порой достигает поистине вопиющих размеров. Так, с 1965 по 1970 год из группы храмов Кхаджурахо в штате Мадхья-Прадеш было украдено более сотни каменных эротических скульптур. Эти древние храмы, сооруженные во времена династии Чанделла в период с 950 по 1050 год, вошли в Список всемирного наследия ЮНЕСКО в 1986 году. От разграбления не застрахованы даже музеи, которые должны находиться под строжайшей охраной. К примеру, в 1968 году из Национального музея в Нью-Дели было похищено 125 древних ювелирных украшений и 32 редкие золотые монеты.

Терракотовые дощечки, обнаруженные на месте раскопок Чандракетугарх. В настоящее время они хранятся в Государственном археологическом музее Колкаты, Индия.

CC BY-SA 4.0 photos by Suvadip Sanyal

CC BY-SA 4.0 photo by Suman Kumar Giri

📍 *Остатки древнего поселения Кхана Михирер Дхипи, входящего в археологический объект Чандракетугарх.*

Случайные находки

Большая часть контрабандных произведений искусства находит покупателей на Западе, многие из них в конечном итоге попадают в музеи. Снабженные фальшивыми документами, предметы переправляются за границу преимущественно морским путем, чтобы избежать более тщательной проверки в аэропортах.

Зачастую на археологических объектах орудуют местные антиквары и коллекционеры. Так, на территории и в окрестностях самого обширного в мире мангрового леса Сундарбан, расположенного на юго-востоке Западной Бенгалии, имеется несколько десятков таких объектов. Хотя значительная их доля была уничтожена непрерывно сменяющимися приливами и отливами, на многих из них раскопки также вели сотрудники Государственного археологического департамента и Восточного подразделения Археологической службы Индии.

Однако в центральных участках леса Сундарбан значительную часть археологических объектов обнаруживают рыбаки и местные жители. Их случайные находки в лучшем случае попадают в местные антикварные лавки и музеи, но чаще всего — в руки нелегальных торговцев древностями. Редкость публичных торгов, нерегулярная ревизия в музеях и

отсутствие простых легальных способов оценки произведений искусства лишь усугубляют проблему незаконного оборота культурных ценностей.

Образование в области наследия

Закон запрещает покупку антиквариата у торговцев, не прошедших проверку и не имеющих лицензию. Однако в такой стране, как Индия, большинство древних объектов находят земледельцы и строители. У них, как правило, их задешево скупают объединенные в подпольные организации дилеры, которые впоследствии перепродают их тем, кто готов заплатить более высокую цену. Строгость закона, призванная служить благим целям, оказывается контрпродуктивной.

Безусловно, адекватное законодательство в области защиты наследия имеет важное значение. Однако еще более важно формировать у населения базовый уровень знаний по истории региона, особенно в рамках школьной программы. Ведь зачем людям прилагать усилия по охране того, о чем они ничего не знают? Кроме того, необходимо, чтобы местные жители имели более ясное представление об экономической и исторической ценности древних предметов искусства, которые они могут обнаружить, и чтобы у них была возможность получать

достойное вознаграждение при передаче своих находок государству. Это тем более важно с учетом того, что нищета является одним из главных факторов, способствующих разграблению наследия.

Помимо включения в школьную программу тем по археологии и сохранению наследия интерес может представлять привлечение органов местного самоуправления (панчаятов) и окружных советов к усиленному контролю деятельности торговцев древностями и к охране исторических объектов, доступ к которым ныне практически не ограничен. Что касается государственных ведомств и музеев, необходимо как можно скорее провести полную инвентаризацию их собраний и находок.

Рост рынка индийских и азиатских предметов искусства также обусловлен очевидным расколом стран на два лагеря: богатых «покупателей» и бедных «поставщиков». Однако такого рода «поставки» можно ограничить посредством простых мер, и принять их следует незамедлительно. В противном случае может произойти так, что богатое наследие Индии станет недоступно для ее собственных граждан.

По следам похищенной стелы

В 2017 году известный аукционный дом выставляет на продажу древнегреческую погребальную стелу, датированную IV веком до н. э. Несмотря на заявление эксперта о ее сомнительном происхождении, она продолжает фигурировать в каталоге. Для того чтобы вернуть античный памятник на родину, потребуется более года настойчивых усилий.

Христос Цириянис

Археолог, судебный эксперт, доцент Института перспективных исследований Орхусского университета (Дания), один из авторов книги «Незаконный оборот культурных ценностей: новые направления анализа мирового рынка нелегальной торговли антиквариатом» (*Trafficking Culture: New Directions in Researching the Global Market in Illicit Antiquities*, 2019)

В мае 2017 года международный дом «Сотбис» (*Sotheby's*) разместил на своем сайте каталог предметов древности, которые планировалось выставить на лондонский аукцион через месяц. Один из лотов

включал верхнюю часть мраморной древнегреческой погребальной стелы, украшенной пальметтой. На стеле можно было видеть фрагмент надписи, похожей на первые буквы греческого мужского имени ΕΣΤΙ [ΑΙΟΣ].

Стела, датированная серединой IV века до н. э., была оценена в 60–90 тыс. фунтов стерлингов. Имя сдатчика в каталоге указано не было, а в разделе «Происхождение» значилось «Джон Хьюитт, Бог-Фарм, графство Кент, 1960-е гг.» и отмечалось, что стела была первоначально обнаружена в

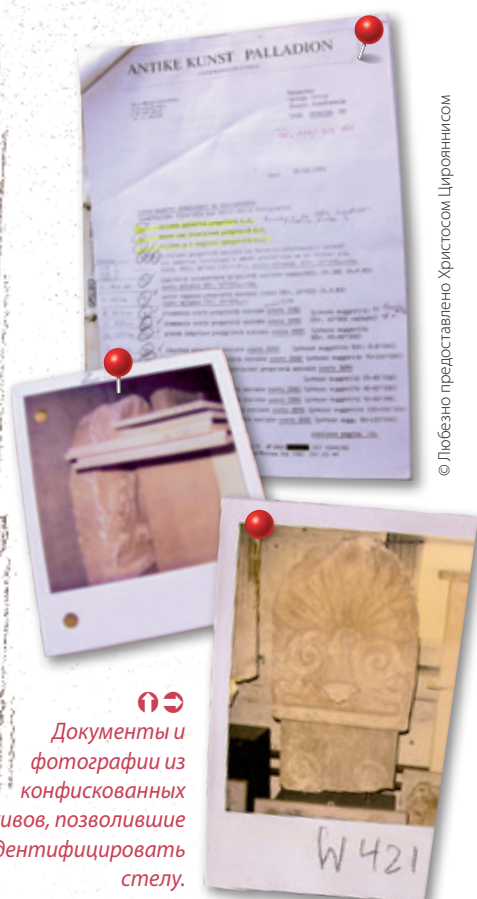
греческой Аттике, близ Афин. Стелу из каталога, однако, я определенно видел не впервые.

Обыск у арт-дилеров

В период с 1995 по 2006 год в деле борьбы с незаконным оборотом культурных ценностей были достигнуты существенные успехи, в частности благодаря обыску и изъятию архивов у таких торговцев антиквариатом, как Джакомо Медичи, Джанфранко Беккина, Робин Саймс и Христос Михайлидис.

© Plume

© Любезно предоставлено Христосом Цириянисом

🔗
Документы и фотографии из конфискованных архивов, позволившие идентифицировать стелу.

В последней из этих операций, проведенных полицией в 2006 году по поручению греческого правительства, я принимал участие лично в качестве эксперта-археолога. На полароидных и профессиональных снимках из архивов Беккины, небезызвестного итальянского арт-дилера, осужденного по делу о незаконном обороте древностей, в числе прочего была представлена стела — та самая, что теперь фигурировала в каталоге «Сотбис».

Это стало для меня началом долгой работы по идентификации предметов со снимков и сбору доказательств, позволяющих установить их происхождение, а также по сотрудничеству с полицией в интересах реституции похищенных ценностей и возбуждения новых дел против участников незаконной торговли. С этой целью мне было выдано официальное разрешение на работу со всеми тремя изъятими архивами.

Полароидные снимки стелы были обнаружены нами в папке, которую Беккина вел для сделок с уже

скончавшимся на тот момент Антонио Савакой, известным греко-итальянским торговцем антиквариатом. Стела была запечатлена на них в неочищенном виде, частично покрытая землей, с недавними трещинами на мраморной поверхности. На ряде фотографий видно, что с этим древним объектом обращались без требуемой осторожности. На одной из них она стоит под окном рядом с железными трубами в складе, набитом других таких же неочищенных античных реликвий.

Соккрытие истинного происхождения

В архивах Беккины мы обнаружили и другие документы, позволившие установить истинное происхождение стелы. Она находилась у него по меньшей мере с 1978 года и вплоть до 1990 года, начиная с которого она, судя по всему, принадлежала не ему одному, а еще и швейцарскому коллекционеру и торговцу древностями Жоржу Ортису. При этом в разделе

«Происхождение» каталога «Сотбис» за 2017 год не значились ни Беккина, ни Савака, ни Ортис. Точно так же ничто не указывало на то, что стела когда-либо принадлежала «Джону Хьюитту» из «графства Кент», особенно в «1960-е гг.», как и на то, что Савака заключал с человеком по фамилии Хьюитт сделки о продаже каких бы то ни было предметов старины.

8 июня 2017 года, после того как в стеле из каталога «Сотбис» я точно опознал стелу со снимков Беккины, я связался с Интерполом, особым отделом Скотленд-Ярда и бригадой греческой полиции, занимающейся кражами произведений искусства, и передал им все необходимые фотографии и документы, подтверждающие мою догадку. Британская полиция ответила, что не имеет достаточных оснований для изъятия объекта и возбуждения уголовного дела и что «Сотбис» решительно опроверг обвинение. Греческая полиция, в свою очередь, сообщила мне, что передала дело министерству культуры, которое со мной ни разу не связывалось.

В дни, предшествующие аукциону, Марианна Мёдлингер из Комитета по борьбе с незаконным оборотом культурных ценностей опубликовала подробности этого дела со всеми доказательствами на сайте Европейской ассоциации археологов. Археологи Дэвид Гилл (*Looting Matters*) и Нил Броди (*Market of Mass Destruction*) также рассказывали о нем в своих блогах.

В день торгов (12 июня) я узнал от присутствующего на них журналиста Говарда Свейнса, что стела была «продана» за 48 тыс. фунтов стерлингов анонимному покупателю. Однако когда дом «Сотбис» объявил результаты аукциона, стела среди проданных объектов не числилась.

6 июля греческое издание онлайн-журнала *VICE* опубликовало на своем сайте все детали дела и следующее заявление «Сотбис» от 23 июня 2017 года: «На том основании, что до проведения аукциона нами была проведена тщательная проверка и что в отношении происхождения погребальной колонны имеются более ранние данные, чем те, что касаются ее нахождения у Беккины, нами было принято решение не снимать ее с торгов. Мы убеждены, что для продажи объекта не имеется никаких препятствий [...]. В частности, на фотографиях, опубликованных г-ном Циroyannisом [автором этой статьи], колонна установлена на подставку. В связи с этим и принимая во внимание имеющиеся у нас более ранние данные о происхождении объекта по сравнению с

этимими фотографиями, мы не считаем эти снимки достаточной причиной для того, чтобы ставить под сомнение безупречную репутацию нашего сдатчика».

«Жест доброй воли»

Как видно из этого заявления, в «Сотбис» были проигнорированы и плачевное состояние объекта, о котором явно свидетельствовали полароидные снимки, и причастность к его происхождению Савоки, Беккины и Ортиса — даже после предъявления доказательств.

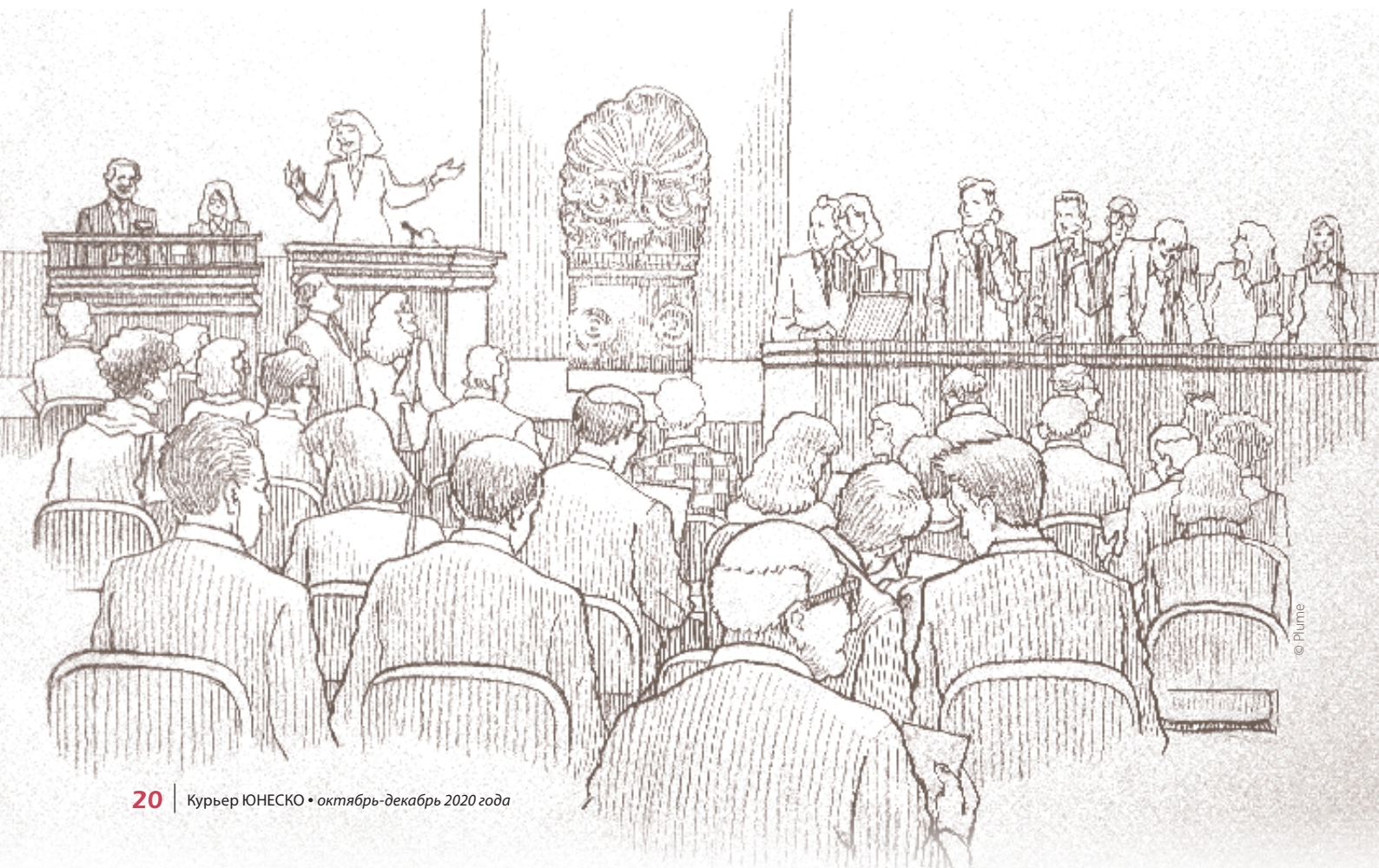
7 мая 2018 года, почти 11 месяцев спустя после аукциона, в газете «Таймс» вышла статья о моих исследованиях. Упомянулось в ней и дело стелы. В частности, в статье говорилось: «По словам представителей „Сотбис“, недавно ими было обнаружено, что сведения о происхождении стелы, предоставленные им в 2008 году, оказались ложными. Они также сообщили, что в ходе сотрудничества с отделом Лондонской полиции по незаконному обороту предметов искусства и древности [*sic*], „все заинтересованные стороны дали свое согласие на передачу стелы греческим властям в качестве жеста доброй воли“».

Никакой другой информации оглашено не было: ни о том, как руководство «Сотбис» узнало, что данные о происхождении оказались ложными (аукционный дом продолжает скрывать личность конечного владельца), ни о причине, по которой известно об этом стало лишь

«недавно», несмотря на «тщательную проверку», ранее убедившую их, что «для продажи объекта не имеется никаких препятствий». А красивое выражение «жест доброй воли», несомненно, скрывает за собой более прозаический факт вынужденного возврата стелы на родину в связи с доказательством незаконности ее происхождения.

27 июня 2018 года я, по просьбе греческого прокурора, выступил свидетелем по этому делу в греческом консульстве в Лондоне. На следующий день отдел Скотленд-Ярда по незаконному обороту предметов искусства и древности сообщил мне по телефону, что стела все еще находилась в Лондоне и ожидала своего возвращения в Грецию. По словам греческого министра культуры, ее перевоз был запланирован на 8 сентября 2018 года. Сегодня стела находится в Эпиграфическом музее Афин.

Дело похищенной стелы завершилось благополучно, но оно позволяет увидеть, что зачастую в незаконном обороте принимают участие самые «авторитетные» представители рынка антиквариата. В перспективе необходимо усовершенствовать законодательство в этой области и сделать так, чтобы все учреждения, борющиеся с нелегальной торговлей древностями, действовали более согласованно и оперативно, с тем чтобы другие незаконно вывезенные объекты возвращались на родину как можно быстрее.

© Plume

Социальные сети — новое эльдорадо для торговцев контрабандой

Интернет-аукционы и социальные сети, открывающие торговцам контрабандой доступ на мировой рынок, всего за несколько лет превратились в главный канал незаконного оборота культурных ценностей. И хотя недавно компания «Фейсбук» запретила торговлю древностями на своей платформе, для того чтобы полностью перекрыть его, сделать предстоит еще многое.

Том Мэшберг

Журналист, пишущий о кражах произведений искусства и антиквариата, бывший сотрудник американской газеты *Boston Herald*, регулярный корреспондент «Нью-Йорк Таймс», один из авторов книги «Похищенные картины Рембрандта: тайные подробности громких ограблений» (*Stealing Rembrandts: The Untold Stories of Notorious Art Heists*)

В июне 2020 года, после более чем двух лет официальных жалоб специалистов, занимающихся поиском похищенных предметов древности, компания «Фейсбук» наконец признала, что ее социальная сеть является одной из крупнейших в мире площадок по сбыту произведений искусства, незаконно вывезенных с Ближнего Востока. В политику использования сети были внесены существенные поправки, а представители компании заявили, что «в целях защиты объектов наследия и наших пользователей [...] отныне мы запрещаем обмен, продажу и покупку любых исторических артефактов через *Facebook* и *Instagram*».

Сказать, что давно пора было это сделать, — значит ничего не сказать. На существующие проблемы «Фейсбуку» еще в 2014 году указывали эксперты проекта *ATHAR*, посвященного исследованиям в области незаконного оборота древностей и антропологического наследия. По данным того же проекта — название которого с арабского переводится как «древность» — интернет-платформы не принимают почти никаких усилий по борьбе с нелегальной торговлей древними реликвиями и другими ценностями.

Положение усугубилось с началом пандемии COVID-19, в результате которой все больше торговцев

© Любезно предоставлено проектом ATHAR

Глиняные изделия и масляные лампы, выставленные на продажу на «Фейсбуке» в январе 2018 г.

и покупателей антиквариата стало обращаться к интернету и социальным сетям. Благодаря которым, как оказалось, — например, через вступление в определенные неконтролируемые группы в «Фейсбуке» — можно получить беспрепятственный выход на черный рынок.

Глобальное бедствие

«Фейсбук» — далеко не единственная платформа, где продаются добытые незаконным образом предметы старины. Для поиска покупателей, особенно в Европе и США, дилеры также используют интернет-аукционы, в частности *eBay*, *Invaluable*, *Catawiki* и *GoAntiques*. При этом в теории правила использования этих сайтов запрещают продавать объекты сомнительного происхождения. К примеру, политика *eBay* предусматривает, что «каждый лот, содержащий предмет древности,

должен включать информацию о его происхождении или историю перехода прав собственности на него, а также, если это представляется возможным, фотографию или отсканированное изображение официального документа, указывающего страну его происхождения и юридические подробности его приобретения. Продаваемый объект должен быть разрешен к ввозу и вывозу».

На практике же препятствовать нелегальным сделкам почти невозможно. «Ввиду большого потока продаваемых объектов и высокой скорости заключения сделок национальные правоохранительные органы просто не могут обеспечить постоянный контроль за деятельностью торговых интернет-площадок», — поясняет старший научный сотрудник Оксфордского университета Нил Броди, который занимается исследованиями в области находящихся под угрозой археологических объектов и является автором целого ряда статей на тему онлайн-торговли.

Крайне сложно оценить общее число контрабандных объектов, которые продаются на интернет-аукционах. В докладе за 2019 год, подготовленном для Европейской комиссии на тему незаконного оборота культурных ценностей в Европе, Нил Броди отмечает, что, по его подсчетам, в 2018 году в Соединенном Королевстве могло быть продано около 52 560 лотов, содержащих предметы древности, на общую сумму 1,8 млн евро. Большая часть этих сделок совершена не по закону, уточняет Броди.

Расширение онлайн-торговли древностями вызывает серьезное беспокойство ЮНЕСКО и ее партнеров, ведущих контроль за соблюдением международного законодательства, в том числе Международной организации уголовной полиции (Интерпол), Всемирной таможенной организации и

Международного института унификации частного права (УНИДРУА). 26 июня 2020 года с их участием прошло онлайн-совещание по вопросу о новых мерах пресечения незаконного оборота культурных ценностей, в ходе которого заместитель Генерального директора ЮНЕСКО по культуре Эрнесто Оттоне Рамирес подчеркнул необходимость «удвоить усилия по борьбе с этим глобальным бедствием». Стоит отметить, что сайты «Фейсбук», *eBay* и их аналоги уже давно критикуются как площадки для незаконного оборота культурных ценностей.

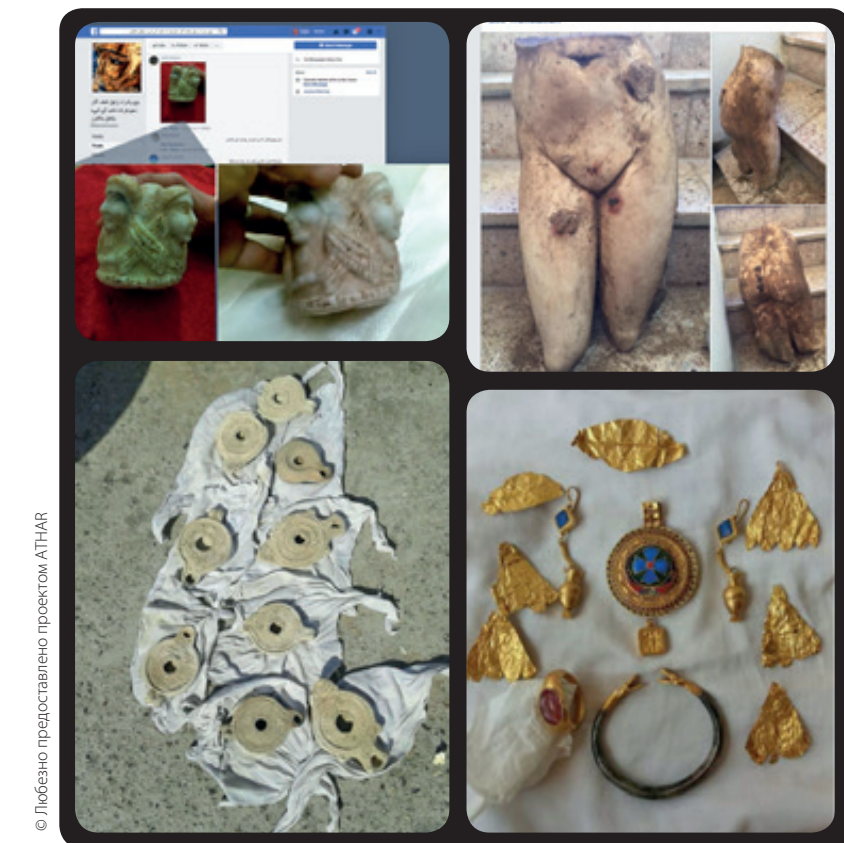
Похищение на заказ

Согласно экспертам, продажа древностей через «Фейсбук» началась в 2011 году, во время «арабской весны». Как утверждает профессор антропологии и истории Ближнего Востока г-н Амр аль-Азм, который преподает в Университете Шони (Огайо, США) и является одним из руководителей проекта *ATHAR*, именно в этот период боевики ИГИЛ поставили на поток разграбление археологических памятников Ирака и Сирии и сбыт награбленного — преимущественно посредством «Фейсбука».

«Социальные сети обеспечили торговцам контрабандой свободный выход на рынок», — объясняет Амр аль-Азм. В сентябре 2020 года он и другой руководитель проекта *ATHAR*, археолог и антрополог Кейти Пол, обнаружили на «Фейсбуке» не менее 120 групп — насчитывающих в общей сложности несколько сотен тысяч пользователей — связанных с нелегальной торговлей ближневосточными древностями. В большей части из них общение ведется на арабском языке.

Интернет-аукционы также представляют собой большую проблему. Однако, как отмечает Кейти Пол, на *eBay*, например, «не бывает так, чтобы за предложениями одного лишь торговца контрабандными артефактами следили сотни тысяч человек. Для групп в „Фейсбуке“ же это типичное явление». Все дело в масштабах, считает она: «Если *eBay* пользуются около 182 млн человек, то „Фейсбук“ насчитывает свыше 2 млрд пользователей. К тому же, эта сеть доступна во всех развивающихся странах».

По словам аль-Азма, желающие продать или купить предметы древности, как правило, находят друг друга в группах на «Фейсбуке», а для обсуждения деталей переходят в приложения с шифрованием данных. Нередко покупатели публикуют сообщения с указанием объекта, который они желают приобрести, и таким образом сами создают предпосылки для того, что аль-Азм называет «похищением на заказ».

© Любезно предоставлено проектом *ATHAR*

📌 Похищенные артефакты, выставленные на продажу на «Фейсбуке».

В докладе проекта *ATHAR* за 2019 год содержатся многочисленные фото- и видеоматериалы из групп «Фейсбука», на которых можно видеть древнюю мозаику, архитектурные элементы, статуи, египетские погребальные маски и даже саркофаги.

По словам Кейти Пол, иногда контрабандисты публикуют фотографии из каталогов аукционных домов, чтобы дать покупателю представление о стоимости предлагаемого объекта, а чтобы развеять сомнения относительно его подлинности, могут сопроводить свое «предложение» фотографиями или видеозаписями, сделанными в момент раскопок. Порой в группах встречаются подробные инструкции для начинающих «черных копателей», рассказывающие о том, как найти подходящее место для раскопок и правильно выкопать артефакты.

Кейти Пол отмечает и такую досадную особенность «Фейсбука»: алгоритм сети сам «рекомендует» пользователям страницы и группы, посвященные незаконному обороту культурных ценностей: «Каждый раз, когда мы в рамках своей работы вступали в одну группу, алгоритм „Фейсбука“ рекомендовал нам еще три».

Специалисты *ATHAR* выявили еще один способ продажи древностей, получающий все большее распространение: с места нелегальных раскопок ведется прямая онлайн-

трансляция, которая сопровождается торгами в режиме реального времени. Покупателю впоследствии объясняют, как подготовить фальшивую документацию на объект и переправить его в нужную страну.

В тех случаях, когда «Фейсбук» и интернет-аукционы все-таки блокируют торговцев контрабандой, сотрудники проекта *ATHAR* обращаются к ним с просьбой не удалять их страницы и сообщения, поскольку они представляют собой прямые улики для полиции и ценные материалы для служб, занимающихся охраной наследия. Увы, до настоящего времени интернет-платформы, ссылаясь на свою политику конфиденциальности, неизменно отвечали, что не намерены сохранять удаленный контент.

Все говорит о том, что нелегальная торговля древностями по интернету будет продолжаться. Зачастую преступники годами хранят награбленное в тайниках, поджидая, когда о них забудут или будут готовы фальшивые документы, позволяющие выставить объект на продажу.

С учетом этого фото- и видеоматериалы о похищенных ценностях имеют огромное значение. Как сказал в заключение Амр аль-Азм, «они представляют собой ценное цифровое свидетельство для ученых и могут сыграть решающую роль в реституции объекта в будущем».

Китайская бронза

со всего мира — в виртуальном музее

В городе Тунлин на востоке Китая открылся уникальный музей, где можно виртуально познакомиться с изделиями из меди и бронзы времен династии Хань. Многие из экспонатов с тысячелетней историей при этом находятся за пределами страны. Этот новаторский проект — наглядная демонстрация того, какими могут быть цифровые музеи будущего: культурные учреждения и специалисты получают возможность обмениваться ресурсами и обеспечивать беспрецедентно широкий доступ к своим коллекциям.

Тан Цзигэнь

Преподаватель Южного научно-технологического университета (SUSTech) в городе Шэньчжэнь, археолог, специалист по бронзовому веку в Китае

Многие произведения искусства, попав в водоворот истории, были вывезены за границу и продолжают оставаться там по сей день. Как правило, вероятность того, что украденные культурные ценности смогут вернуться на родину, невелика, по крайней мере, в ближайшее время. В таком случае, как жители стран, где были созданы эти сокровища культуры, могут надеяться их увидеть?

Город Тунлин, расположенный в провинции Аньхой в восточной части Китая, решил эту проблему путем создания виртуального музея.

Небольшой Тунлин с населением 1,6 млн человек издревле славится производством медных изделий — добыча меди и литье бронзы начались здесь в конце XVII века до н. э. В эпоху правления династии Хань (202 год до н. э. – 220 год н. э.) этот порт, расположенный на реке Янцзы, поставлял большую часть сырья, необходимого для литья медных монет.

В 2016 году городские власти при поддержке экспертов приняли решение открыть музей, посвященный медным и бронзовым изделиям древности. Задача этого цифрового музея меди и бронзы — предоставить посетителям со всего мира онлайн-доступ к художественным изделиям древнего Китая, выполненным из этих материалов, в частности к тем, что находятся за пределами страны.

Необычный носорог

Ожидается, что сайт музея начнет работать в конце 2020 года. Его посетители смогут, в числе прочего, ознакомиться с онлайн-выставкой «100 шедевров художественной бронзы Китая», на которой будут представлены около сотни изделий, отобранных по результатам голосования археологов. Среди них — ряд предметов, находящихся в коллекциях зарубежных музеев. В рамках еще одной экспозиции — «100 занимательных историй об изделиях из бронзы» — посетители смогут узнать подробности того, как они были вывезены из Китая и попали в страны своего нынешнего местонахождения.

© Ji Zhifeng

📍 Виртуальный музей меди и бронзы в городе Тунлин, Китай.

Одна из таких историй повествует о долгом путешествии *Сяо чэнь юй цзунь* — ритуальной бронзовой вазы в форме носорога, изготовленной 3000 лет назад в период правления династии Шан (1600–1046 годы до н. э.). Ее помог вывезти в Париж торговец произведениями искусства Чин Цай Лу, после чего ее приобрел Эйвери Брендедж, американский спортивный функционер и бывший президент Международного олимпийского комитета (МОК). Затем эта уникальная по своей форме ваза бронзового века была передана Музею азиатского искусства в Сан-Франциско, где она и сегодня является одним из самых популярных экспонатов и даже визитной карточкой музея.

Идея предоставления широкого доступа к культурным ресурсам в режиме онлайн не нова. У многих учреждений — членов Международного совета музеев (ИКОМ) есть свой собственный веб-сайт. Однако виртуальный музей Тунлина выделяется тем, что его коллекции знакомят посетителей и с объектами, находящимися в целом ряде других стран. За многие столетия Китай утратил значительную часть своего культурного наследия: предполагается, что из страны тем или иным способом были вывезены миллионы артефактов.

Больше, чем просто веб-сайт

В исследовании, проведенном мной в 2016 году, более 90 % опрошенных выразили надежду, что вывезенные за пределы Китая культурные ценности когда-нибудь будут возвращены стране. Тот факт, что отныне их можно будет увидеть на сайте музея в Тунлине, должен помочь ослабить напряженность, уже долгие годы существующую между Китаем и странами, в которых находятся эти ценности.

На настоящий момент музей предлагает ознакомиться лишь с определенной категорией экспонатов —

древнекитайскими изделиями из бронзы. Однако в будущем цифровые музеи будут создаваться и управляться на основе сотрудничества учреждений из разных стран и будут предлагать доступ к самым разнообразным ресурсам. Такие новые виртуальные музеи можно будет охарактеризовать как «сеть цифровых музеев» или «музеи в цифровом облаке».

Речь будет идти не об обычных веб-сайтах, предлагающих ознакомиться с коллекциями какого-то определенного музея, и не о подборке веб-сайтов нескольких музеев, а скорее о результате сотрудничества между различными учреждениями по всему миру. Подобные футуристические цифровые музеи уже существуют — их примером могут служить онлайн-выставки Британского музея и Музея археологии и антропологии Кембриджского университета в Великобритании.

Впечатляющие темпы совершенствования технологий хранения и передачи большого объема данных, несомненно, облегчат создание подобных «музеев в облаке», которые, по прогнозам некоторых исследователей,

могут придать новую динамику развитию как музейного дела, так и культуры в целом.

Навстречу новым возможностям

В будущем цифровые музеи смогут делать тематические подборки предметов разного типа и организовывать беспрецедентные по своему охвату выставки благодаря сведению воедино колоссальных объемов данных. Кроме того, они наверняка получат возможность по-разному интерпретировать и выставлять один и тот же экспонат, используя культурные ресурсы со всего мира. Ученые из разных стран смогут обсуждать представленные произведения как между собой, так и с широкой аудиторией.

3000 лет назад, в эпоху правления династии Шан, древнейшей известной археологам династии в истории Китая, китайскими ремесленниками были изготовлены по крайней мере два бронзовых сосуда типа ю с изображением тигра, пожирающего человека. В силу исторических причин сегодня оба они находятся за рубежом, в коллекциях музея Гиме в Париже и музея Сэн-оку Хакуко Кан в Киото. И кто знает, быть может, когда-нибудь сотрудники этих двух музеев объединятся с китайскими археологами — специалистами по династии Шан в виртуальном пространстве «музея в облаке», чтобы поделиться своими знаниями о бронзовых сосудах ю и их истории с широкой публикой во всем мире.

“ Предполагается, что из Китая тем или иным способом были вывезены миллионы артефактов ”

Музеи в Нидерландах:

честный взгляд на колониальное прошлое

Национальный музей мировых культур в Нидерландах одним из первых в Европе приступил к внедрению механизмов реституции культурных ценностей, вывезенных из бывших колоний.

Кэтрин Хикли

Независимая журналистка из Берлина, постоянный корреспондент газет *The Art Newspaper* и «Нью-Йорк таймс», автор книги *The Munich Art Hoard: Hitler's Dealer and His Secret Legacy* о произведениях искусства, похищенных нацистами во время Второй мировой войны

В 2014 году Музей тропиков в Амстердаме оказался на грани закрытия после того, как Министерство иностранных дел решило прекратить финансирование курирующей его организации — Королевского института тропических исследований.

Спасти музей удалось благодаря созданию в том же году нового учреждения — Национального музея мировых культур (НММК),

объединившего в себе Музей тропиков, Национальный этнографический музей в Лейдене и Музей Африки. На него было возложено управление всеми этнографическими коллекциями Нидерландов. НММК также курирует работу Всемирного музея в Роттердаме, коллекция которого является собственностью этого города.

Однако в те месяцы, когда решалось будущее Музея тропиков, среди хранителей голландских этнографических коллекций произошла настоящая переоценка ценностей. «Угроза послужила своего рода стимулом для всех музейных учреждений, — пояснил генеральный директор НММК Стейн Схондервурд. — Она заставила нас задуматься о нашей

колониальной истории и открыла глаза на многочисленные вопросы, касающиеся идентичности, контроля, власти, неравенства и деколонизации».

На шаг впереди

Эти вопросы поставил перед собой не только Национальный музей мировых культур. Так, в 2017 году во время своего визита в Уагадугу (Буркина-Фасо) президент Франции Эммануэль Макрон обещал произвести окончательную реституцию находящегося во Франции африканского наследия. Он поручил сенегальскому профессору Фелвину Сарру и французскому искусствоведу Бенедикту Савуа подготовить соответствующий доклад, который был опубликован в 2018 году и в котором рекомендуется вернуть вывезенные из стран Африки к югу от Сахары предметы, хранящиеся во французских музеях. Представленный в июне 2020 года законопроект о возвращении 26 похищенных предметов Бенину и ценной исторической сабли Сенегалу стал первым законодательным шагом в этом направлении.

В Германии в марте 2019 года министры культуры всех 16 федеральных земель приняли единые руководящие принципы, предусматривающие создание необходимых условий для реституции объектов государственных коллекций, которые были вывезены из бывших колоний «таким путем, который сегодня представляется юридически или морально необоснованным». В Великобритании по поручению Совета по делам искусств Англии сотрудники Института искусства и права разрабатывают руководство для музеев, которое должно быть опубликовано к осени 2020 года.

© Rob van Esch

Музей тропиков в Амстердаме, Нидерланды. С 2014 г. он входит в Национальный музей мировых культур.

📍 Выставка «Жизнь после рабства», открытая в Музее тропиков в 2017 г., позволяет проследить историю рабства и побуждает задуматься о его наследии.

Однако Национальный музей мировых культур оказался на шаг впереди. Диссертация Йоса ван Бердена, опубликованная в 2016 году под названием «Сокровища в надежных руках» (*Treasures in Trusted Hands*), способствовала возобновлению национальных дискуссий о памятниках колониальной эпохи. «Эта публикация сыграла большую роль», — отмечает главный хранитель НММК Генриетта Лидчи.

В начале 2017 года НММК приступил к разработке собственной процедуры реституции культурных ценностей. Случаи реституции имели место и в предыдущие десятилетия, но у музея не было четкой схемы рассмотрения заявок. «Теперь же мы стараемся придать этой практике более организованный и справедливый характер, — продолжает Генриетта Лидчи. — Однако это требует структурных изменений».

В 2019 году был принят и опубликован директивный документ под названием «Возвращение культурных ценностей: принципы и порядок осуществления», согласно которому «главная задача музея заключается в изучении долгих, сложных и запутанных историй происхождения объектов, составляющих музейные коллекции». В нем также предусмотрена «обязанность рассматривать и оценивать требования о возврате культурных ценностей на основе принципов транспарентности, уважения, сотрудничества и оперативности».

ЮНЕСКО содействует возвращению ценностей

Начиная с 1978 года в международном сообществе действует специальный орган, содействующий ведению переговоров между странами по вопросам возвращения и реституции культурных ценностей. Особое внимание в его работе уделяется объектам, которые были вывезены из страны происхождения в результате иностранной оккупации, колониального господства или похищения до ратификации заинтересованными странами Конвенции 1970 года. Этот постоянный и независимый от Конвенции орган получил название Межправительственного комитета по содействию возвращению культурных ценностей странам их происхождения или их реституции в случае незаконного присвоения. Он был создан ЮНЕСКО с целью облегчить переговорный процесс и содействовать достижению соглашений между государствами. При поддержке Комитета в страны происхождения уже вернулись многие культурно-исторические объекты. Один из них — священный камень Куэка. Эта святыня, принадлежащая южноамериканскому народу пемон, находилась в Германии с 1998 года, украшая собой берлинский парк Тиргартен. В январе 2020 года Германия вернула камень Венесуэле. Другой пример — недостающие элементы мозаики из древнего города Зевгма, располагавшегося на территории современной турецкой провинции Газиантеп. Они входили в коллекцию университета американского города Боулинг-Грин. В 2018 году США вернули их Турции.

Одобрение граждан

Этот документ касается возврата не только украденного наследия, но и предметов, представляющих большую ценность для общин их происхождения, причем независимо от того, каким образом эти предметы попали в Нидерланды. Кроме того, страна-заявитель более не обязана подтверждать наличие у нее надлежащего музея для последующего хранения возвращенных ценностей.

Ранее несоблюдение этого требования нередко служило причиной отказа в реституции.

На данный момент общественность Нидерландов поддержала новую политику музея. «К моему облегчению, наше решение не встретило серьезного сопротивления или возражения со стороны партий или граждан», — отмечает Стейн Схондервурд.

“Общественность Нидерландов поддержала новую политику музея”

Ситуация может измениться с принятием мер на национальном уровне. Директор музея не исключает, что ультраправые группировки могут выступить против реституции с целью разжечь националистические настроения.

В поисках предметов колониальной эпохи

В НММК хранится в общей сложности около 450 000 предметов. По словам Генриетты Лидчи, «по грубым оценкам» примерно 40 % музейного фонда составляют предметы колониального происхождения. В 2019 году музей впервые нанял двух штатных сотрудников, целенаправленно занимающихся проверкой происхождения артефактов. НММК обратился к правительству с просьбой о предоставлении субсидии в размере 4 млн евро для финансирования этой деятельности.

В деле реституции НММК тесно сотрудничает с Государственным музеем Амстердама и Экспертным центром по вопросам реституции культурных ценностей и объектов Второй мировой войны, действующем при Институте по изучению войны, холокоста и геноцида. В первую очередь внимание будет уделено Индонезии и проектам по развитию исследований, касающихся, например, военных экспедиций колониальной эпохи или сетей торговых домов.

С тех пор, как была принята новая политика, официальных заявок в НММК еще не поступало — возможно, вследствие пандемии коронавируса. Однако музей ведет переговоры с рядом

потенциальных заявителей, в том числе с общинами коренных народов Северной Америки. Кроме того, НММК уже давно сотрудничает с Национальным музеем Индонезии в целях обмена информацией и предоставления доступа к коллекциям.

Возвращение кинжала индонезийского принца

После проведенных музеем исследований в марте 2020 года министр культуры Нидерландов вернул послу Индонезии крис (керис) — большой кинжал, принадлежавший предводителю яванских повстанцев и национальному герою Индонезии принцу Дипонегоро, который на протяжении пяти лет, с 1825 по 1830 годы, боролся против Голландской империи. В 1970-х годах по рекомендации голландско-индонезийского комитета экспертов Индонезии были возвращены некоторые из принадлежавших принцу вещей, включая седло и копьё. Однако местонахождение криса удалось установить лишь гораздо позднее.

НММК также является участником созданной в 2007 году дискуссионной группы по Бенину. В нее входят представители Нигерии и европейские музеи, в чьих коллекциях имеются предметы, вывезенные из Бенина британскими войсками в 1897 году.

Недавно музеи получили средства для создания цифровой базы данных по так называемой Бенинской бронзе [имеется в виду древнее королевство Бенин, которое располагалось на территории современной Нигерии]. Кроме того, они согласились поочередно предоставлять свои коллекции городу Бенин-Сити (Нигерия) во временное пользование. Пока что Нигерия не обращалась с просьбой о возвращении ей всех предметов Бенинской бронзы, но Стейн Схондервурд уверен, что реституция — вопрос времени: «Я не сомневаюсь, что в конечном итоге европейские музеи вернут Нигерии похищенные из Бенина ценности».

Если деятельность НММК по реституции культурных ценностей и подвергается критике, то в первую

→ Кинжал принца Дипонегоро, входивший в коллекцию Национального этнографического музея в Лейдене, в марте 2020 г. был возвращен Нидерландами Индонезии.

© Фото предоставлено Национальным музеем Индонезии в Джакарте (MNI 192.999)

Примеры реституции

2020. До конца года Британский музей (Соединенное Королевство) вернет Ираку шумерскую votивную табличку возрастом свыше 4000 лет.

2014. США возвращают Индии барельефы IX и X веков, украденные из храма в Раджастане в 2009 году.

2010. Женевский Музей Барбье-Мюллера (Швейцария) возвращает Танзании маску народа маконде, похищенную в 1984 году из Национального музея Дар-эс-Салама.

2006. Швеция возвращает Канаде тотемный столб канадских индейцев хаисла, хранившийся в Этнографическом музее Стокгольма. Он стал первым тотемным столбом, возвращенным европейским государством.

2000. Берлинский Музей индийского искусства (Германия) возвращает Непалу индуистскую скульптуру XII века, изображающую бога Шиву и его супругу Парвати. Статуя была похищена и вывезена из Непала в 1982 году.

1989. Австралия возвращает Перу предмет верхней одежды культуры Паракас, изготовленный более 2000 лет назад. Он попал в Австралию после того, как был украден из Национального музея Лимы.

очередь теми, кто считает этот процесс слишком медленным. Так, в июне 2020 года активисты провели перед Музеем тропиков акции протеста против хранения в музейном фонде человеческих останков — приветствуя, однако, стремление музея разобраться с вопросами колониального наследия.

Стейн Схондервурд подчеркивает, что руководство музея является лишь хранителем национальной коллекции. Любое решение о реституции должно быть одобрено Министерством культуры и, как правило, требует длительных дипломатических переговоров.

«Мы вовлечены в политические процессы, над которыми мы не властны, — утверждает Стейн Схондервурд. — Иногда нас обвиняют в том, что мы прячемся за спиной государства. Но мы не можем просто взять и вернуть ценности. Реституция — вопрос не имущественный, а политический».

Аргентина в авангарде реституции

Начиная с 2004 года в Аргентине было изъято и возвращено в страны происхождения около 5000 культурных объектов. Столь высокого результата удалось добиться благодаря более широкому признанию искусства доиспанских цивилизаций и принятию закона об охране археологического и палеонтологического наследия.

Ирене Артман

Журналистка, постоянный сотрудник ежедневной газеты «Кларин» (Аргентина)

«Ограбление века» — так окрестили в прессе хищение произведений искусства из Государственного музея изобразительных искусств в Асунсьоне (Парагвай), совершенное в июле 2002 года. И окрестили вполне оправданно: выкопав 30-метровый подкоп, преступники вынесли из музея пять картин, в том числе портрет Святого Иеронима кисти неизвестного живописца XVI века, оцениваемый в 200 тыс. долларов. Грабителям удалось скрыться и пересечь аргентинскую границу. Впоследствии картина была выставлена на продажу в городе Посадас на северо-востоке страны. Лишь в 2008 году ее поиски увенчались успехом, и в том же году Аргентина передала картину Парагваю.

Возвращение на родину «Святого Иеронима» — не единственный подобный случай. Начиная с 2004 года Аргентина вернула странам происхождения не менее 4825 культурных объектов, изъятых из незаконного оборота на ее территории, в том числе произведения искусства, археологические памятники и исторические документы. За последние десять лет Аргентина стала рекордсменом в области реституции похищенных и незаконно вывезенных культурных ценностей.

По мнению руководителя научно-исследовательского отдела

➔ Диск из бронзы культуры Сантамариана, доколумбовая эпоха.

Национального музея изящных искусств (Буэнос-Айрес) Марии Флоренсии Галесии, это связано с приходом более глубокого понимания ценности, которой обладает наследие доиспанских цивилизаций. «Долгое время эстетическое значение искусства доколумбовой эпохи недооценивалось. Теперь ситуация начинает меняться, особенно в последние пятнадцать лет», — поясняет она.

Важным событием, способствующим признанию ценности культурного наследия прошлых цивилизаций, стало в 2004 году открытие в этом музее зала, полностью посвященного искусству доколумбовой эпохи. «Наличие отдельного зала означает, что собранные в нем экспонаты отныне не просто интересны с этнологической или археологической точки зрения, но и представляют эстетическую ценность», — добавляет г-жа Галесии.

Дело Жанейр

«Музейные учреждения во многом содействовали признанию ценности искусства доколумбовой эпохи, однако предпосылки для этого создал закон об охране археологического и палеонтологического наследия, принятый в 2003 году», — продолжает сотрудница буэнос-айресского музея. В том же году Аргентина ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности. Закон, контроль за соблюдением которого в масштабах страны был возложен на Национальный институт антропологии и

➔ Керамический сосуд в форме головы культуры Сьенага, доколумбовая эпоха.

латиноамериканской мысли (INAPL), обязует владельцев объектов, обнаруженных в ходе археологических или палеонтологических раскопок, регистрировать их в официальном реестре Аргентины.

Принятие этого закона было частично обусловлено нашумевшим «делом Жанейр», которое привело к изменениям в общественном сознании и законодательстве. В самом начале 2000-х годов сотрудники таможенной службы международного аэропорта им. Пистарини обратили внимание на участвовавшие случаи перевозки через границу предметов древности. Они сообщили об этом в INAPL, где для них в этой связи было организовано обучение с целью научить работников таможни распознавать археологические артефакты и палеонтологические находки. Одновременно с этим, в 2000 и 2001 годах в ряде антикварных магазинов аргентинской столицы, по большей части принадлежащих антиквару Нестору Эдуардо Жанейру, было изъято не менее 10 000 различных объектов.

Сложно сказать, сколько составляет совокупная стоимость всех объектов, которые были возвращены Аргентиной в страны их происхождения. «Поскольку продажа этих объектов запрещена, археологи отказываются оценивать их стоимость.

Если о ценности одних предметов у нас нет ни малейшего представления, то потенциальную стоимость других мы можем предположить, исходя из известных нам цен на черном рынке. Стоимость изъятых объектов может варьироваться от нескольких сотен до нескольких миллионов долларов», — поясняет сотрудник отдела по защите культурного наследия Федеральной полиции Аргентины Марсело Эль Айбе.

Известна стоимость только чуть более 3 % из 5000 возвращенных объектов, и при их продаже на черном рынке она в общей сложности составила бы ни много ни мало 860 000 долларов. О возможной цене оставшихся 97 % можно только догадываться. Какой бы она ни была, она в любом случае не включала бы в себя их нематериальную — а значит, неоценимую — составляющую.

Перу — главный бенефициар реституции

Абсолютным лидером по числу вернувшихся из Аргентины предметов искусства является Перу — одна из стран, более всего страдающих от незаконного вывоза культурных ценностей в Латинской Америке. Перу было передано 88 % всех возвращенных объектов. На втором месте — Эквадор, на который приходится 9 % реституций. Так, в 2016 году Аргентина вернула Эквадору 439, а Перу — 4150 объектов наследия, изъятых семью годами ранее. Часть объектов вернулась в Боливию, Парагвай и Испанию. В последнем случае предметом реституции стали карты, составленные древнегреческим астрономом и математиком Птолемеем. Они были украдены из Национальной библиотеки Испании в 2007 году человеком, выдавшим себя за научного работника. Две карты были найдены в Аргентине, где проживал похититель. В 2007 году они вернулись в страну происхождения.

Как в этом последнем примере, зачастую похищенные культурные ценности преодолевают сложный маршрут, пересекая границы и океаны. «Жертвы ограбления обращаются в полицию своей страны, в то время как похищенное имущество, как правило, поступает на рынок за рубежом, что не способствует работе розыскных служб», — продолжает Марсело Эль Айбе. По его подсчетам, незаконный оборот культурных ценностей составляет около 6500 млн долларов ежегодно.

Решающим фактором в розыске похищенных ценностей зачастую является сотрудничество органов полиции разных стран, а также внешняя экспертиза с целью идентификации объектов.

«Мы работаем в тесном взаимодействии с другими организациями, такими как Национальный институт антропологии и латиноамериканской мысли и Музей естественных наук им. Бернардино Ривадавия, если речь идет о палеонтологических объектах. Межведомственное сотрудничество — важное условие успеха», — подчеркивает Эль Айбе.

Последнее успешное дело было разрешено в 2019 году, когда в одном из бутиков Буэнос-Айреса было

обнаружено не менее 115 документов 1824 и 1900 годов предположительной стоимостью в 10 000 долларов. В скором времени они будут переданы властям страны, откуда они были незаконно вывезены, — Перу.

➔ *Антропоморфный сосуд из керамики культуры Кондоруаси, доколумбовая эпоха.*

© MINBA Collection Buenos Aires Argentina (894)

ФОКУС

Тауншипы Южной Африки: когда сердце

бьется в ритме джаза

Фото: Юрген Шадеберг
Текст: Катерина Маркелова, ЮНЕСКО

Автор фотохроники об апартеиде Юрген Шадеберг (1931-2020) оставил после себя и другое ценнейшее наследие: его работы позволяют проследить историю джаза в Южной Африке на протяжении почти 60 лет¹. В результате встречи его исключительного таланта с яркой, проникнутой бунтарским духом эпохой и бурлящей музыкальной средой родилась не менее яркая серия фотографий, уникальная не только по своей художественной ценности и богатому содержанию, но и с точки зрения исторического значения.

В 1950 году 19-летний Шадеберг бежит из родной Германии, желая забыть о ее нацистском прошлом. Однако в Южной Африке, где он решает обосноваться, незадолго до этого начинается политика полного апартеида. Чернокожее и цветное население вытесняют на окраины городов, в поселения, получившие название тауншипов. Здесь, в йоханнесбургском Софиятауне и других тауншипах Шадеберг знакомится с молодыми чернокожими музыкантами, по большей части самоучками, которые, пристально следя за музыкальной жизнью Манхэттена и пропуская через себя приходящие оттуда мелодии, создают свой оригинальный музыкальный стиль, быстро завоевавший популярность. «В Южной Африке американский джаз исполнялся на местный манер, африканизировался, приобрел неповторимое звучание тауншипов», — поясняет Шадеберг. Именно в этих народных кварталах делали свои первые шаги в мире музыки такие будущие звезды мировой джазовой сцены, как Мириам Makeба, Хью Масекела и Абдулла Ибрагим. Находясь в изгнании, в основном в США и Европе, многие из этих музыкантов продолжали использовать свой талант и славу во имя борьбы с апартеидом.

Юрген Шадеберг мастерски запечатлел на своих снимках дух той мятежной эпохи, устремления южноафриканского народа и его борьбу за свои права. Его деятельность стоила ему неоднократных арестов и привела к изгнанию из страны в 1964 году. Шадеберг по праву считается отцом южноафриканской фотографии: в 1950-е годы он занимал должность художественного редактора популярного журнала *Drum*, ориентированного на чернокожую аудиторию, и на его работах было воспитано целое поколение южноафриканских фоторепортеров.

«Джаз стал языком свободы именно потому, что он уходит корнями во времена рабства», — сказал в интервью для специального выпуска «Курьера ЮНЕСКО» 2012 года легендарный джазовый музыкант Херби Хэнкок. По его инициативе в 2011 году ЮНЕСКО провозгласила Международный день джаза. С тех пор он отмечается ежегодно 30 апреля, чтобы вновь и вновь напоминать нам о воспеваемых этой музыкой общечеловеческих ценностях, которые ничуть не устарели с момента зарождения джаза на юге США в начале XX века.

1. *Jazz, Blues & Swing : Six Decades of Music in South Africa*, («Джаз, блюз и свинг: шесть десятилетий музыки в Южной Африке»). Фотографии: Юрген Шадеберг, текст: Дон Элберт, Гвен Энселл, Дариус Брубек и Хотел Идрис Галета. Клармонт, изд-во *David Philip Publishers*, 2007.

Предыдущий разворот:

Юный Хью Масекела, будущий всемирно известный трубач, в компании своих товарищей по ансамблю «Хаддлстон Джаз Бэнд» восторженно рассматривает трубу, подаренную самим Луисом Армстронгом, 1954 г.

➔ Тодд Матшикиза, 1952 г. Пианист, композитор и журналист, ведущий музыкальную рубрику в популярном журнале для чернокожих Drum, стал автором музыки к первому южноафриканскому джазовому мюзиклу «Кинг-Конг», рассказывающему о суровых реалиях «черных» тауншипов.

⦿ Киппи Мукетси, один из величайших южноафриканских саксофонистов, 1951 г. После расстрела мирной демонстрации чернокожих в Шарпевиле в 1960 г. он, в отличие от многих музыкантов, ставших на путь изгнания, решает остаться в стране.

➔ Мириам Макеба, всемирно известная джазовая певица и символ борьбы с расовой сегрегацией, в студии звукозаписи в Йоханнесбурге, 1955 г.

📍 Талантливый гитарист Джeneral Дьюз (General Dube), игравший с большинством популярных южноафриканских джаз-бэндов, в окружении своих детей в тауншипе Джордж-Гох, Йоханнесбург, 1951 г.

📍 Выдающийся саксофонист и композитор Маккей Даваше, 1952 г. Обладая незаурядной творческой личностью, он основал несколько джаз-бэндов и оставил после себя богатое музыкальное наследие. Его композиция *Lakutshon Ilanga*, ставшая известной после исполнения Мириам Макебой в конце 1950-х годов, остается популярной и сегодня.

☉ В Орlando и Софийтауне (Йоханнесбург), в Мамелоди (Претория) и многих других южноафриканских тауншипах создаются многочисленные импровизированные танцплощадки, 1951 г.

📍 Танцоры, исполняющие чечетку в модном клубе «Риц» в центре Йоханнесбурга, 1952 г.

🕒 *Выдающийся пианист Абдулла Ибрагим в 1959 году основал самый известный южноафриканский джазовый коллектив, исполняющий бибоп, — The Jazz Epistles. На снимке, сделанном в 1979 году, он играет на свадьбе друга в Нью-Йорке, куда он эмигрировал в 1960-е годы.*

Стр. 36-37: *Члены знаменитого секстета «Блю ноутс» трубач Монгези Феза и саксофонист Дуду Пуквана играют в одном из клубов Хиллброу — района Йоханнесбурга, 1962 г.*

🕒 *Глория Босман, изучавшая оперное искусство в Техническом университете Претории, — представительница нового поколения джазовых музыкантов, 2001 г.*

🕒 *Певцы Абигейл Кубека, Танди Класен, Долли Ратебе и Мара Лау поют в память о Софиятауне — тауншипе на окраине Йоханнесбурга, снесенном в 1955 году при режиме апартеида, 1998 г.*

ИДЕИ

“ Системный расизм заключается в принижении ряда меньшинств, которые рассматриваются как стоящие в более низком, подчиненном положении ”

Расизм:

время открыть глаза

Полицейское насилие по отношению к чернокожему, произошедшее в США прошлой весной, вызвало массовое движение протеста, которое вышло далеко за пределы Соединенных Штатов. Расизм, подчеркивает писательница Вероника Таджо, слишком глубоко пустил корни в умах людей и проник во все сферы современного общества, проявляясь как на бытовом уровне, так и на уровне социальных институтов.

Вероника Таджо

Франко-ивуарийская писательница, автор ряда романов, в том числе *En compagnie des hommes* («В обществе людей»), события в котором разворачиваются на фоне эпидемии Эболы 2014 года. Долгое время она жила в Южной Африке, где преподавала в Витватерсрандском университете Йоханнесбурга. В настоящее время живет между Лондоном и Абиджаном.

В истории Миннеаполиса 25 мая 2020 года навсегда останется черным днем: именно тогда в результате действий полицейского скончался от удущья Джордж Флойд. Кадры убийства, мгновенно облетевшие весь мир, показали нам, насколько человечество далеко еще от решения проблемы расизма.

А ведь еще совсем недавно нам могло казаться, что пострасистская эпоха наконец наступила. Разве не об этом свидетельствовал приход к власти Нельсона Манделы, ставшего первым чернокожим президентом Южной Африки (1994–1999), и избрание Барака Обамы на пост президента США (2009–2017)? Столь же оптимистичные настроения доминировали и во Франции, где республиканские ценности, казалось бы, выместили из общественного сознания понятие расы.

Однако, каким бы устаревшим некоторые ни считали это понятие, расизм по-прежнему жив, в частности расизм бытовой, который непрерывно подпитывается нашими предрассудками и предубеждениями.

По мнению ученых из парижского Музея человека Эвлин Эйер и Кароль Рено-Палиго, расовая нетерпимость — подчас тонко завуалированная, но зачастую ничем не прикрытая — имеет в своем основании три особенности человеческого мышления: «склонность к категоризации, то есть распределению людей по группам на основе определенных критериев (которые могут отличаться в разных социально-исторических контекстах), склонность к иерархизации (отнесению людей к более высшему или низшему рангу по произвольным причинам), а также склонность приписывать всем людям одной группы набор неких постоянных и неизменных качеств, которые якобы передаются по наследству и потому присущи им всегда».

Непритие Другого

Непритие Другого может принимать различные формы. От него не застрахованы и знаменитости: жертвой нападок может стать известный чернокожий футболист, которого освистывает публика, или видный чернокожий политик, подвергающийся преследованию в социальных сетях. Но чаще всего от расистского отношения страдают рядовые граждане, которым цвет кожи мешает найти жилье или работу. Такого рода дискриминация, как правило, осуждается широкой общественностью и признается фактором, разобщающим общество. Зачастую, оправданно или нет, расистские идеи приписывают приверженцам крайнего консерватизма.

CC BY 2.0 photo by Tony Webster

📍 Памятник Христофору Колумбу в Миннесоте, США, снесенный в ходе акций протеста против расового неравенства, июнь 2020 г. Протестанты снесли и ряд других скульптур, напоминающих о колониальной истории и рабстве.

Как говорил Франц Фанон, посвятивший себя борьбе с колониализмом, «расизм — не отдельно существующее явление, а самый заметный, самый обиденный, самый низменный элемент некой структуры».

Эта структура суть то, что называют системным, или институциональным, расизмом. Более опасный и трудно поддающийся разоблачению, он проявляется в мельчайших деталях функционирования государственной машины. Тем, кому никогда не доводилось с ним сталкиваться, очень легко поверить в то, что его нет. Ведь все виды дискриминации запрещены законом? Во Франции закон о борьбе с расизмом был впервые принят 1 июля 1972 года и с тех пор неоднократно изменялся и дополнялся. В этой сфере также имеется ряд европейских и международных соглашений. Однако никакой закон сам по себе не в состоянии искоренить дискриминацию на бытовом уровне. Нужно нечто большее.

Системный расизм

Невозможно представить себе истинные масштабы системного расизма, если видеть его лишь в отдельных случаях расовой нетерпимости. Системный расизм заключается в принижении ряда меньшинств, которые, в результате такого исторического наследия, как колониализм или рабство, рассматриваются как стоящие в более низком, подчиненном положении. В демократическом обществе такое отношение проникает в органы полиции (выражаясь в осуждении и полицейском насилии на основании внешности), в тюрьмы (проявляясь в более высокой доле заключенных другого цвета кожи и применении к ним более суровых мер наказания), в систему образования (приводя к более низким оценкам) и здравоохранения (ограничивая доступ к медицинскому обслуживанию), на рынок труда (выливаясь в более высокий процент безработицы), в градостроительство (отражаясь на расселении в гетто или бедные кварталы) и многие другие сферы нашей жизни. По мнению историка и преподавателя литературы Калифорнийского университета Лос-Анджелеса Лор Мюра, системный расизм — это «институциональная монополия, которая, как правило, поддерживает определенную культуру — культуру сексизма, расизма или насилия».

Волна манифестаций, прокатившаяся по всему миру в поддержку американского движения *Black Lives Matter*, свидетельствует об осознании в обществе того факта, что расизм может принимать самые различные формы и способствовать развитию разных видов нетерпимости, включая антисемитизм, исламофобию, гомофобию, сексизм, трансфобию и пр. Пандемия COVID-19, в результате которой жители всего мира получили разделенный опыт изоляции, страданий и смерти, вне всякого сомнения, лишь обострила чувствительность общественности к произошедшей в Миннеаполисе трагедии.

© Pattince Zalanga

📍 Марш протеста, прошедший в июле 2020 г. в память о Филандо Кастиле, застреленном полицейским во время проверки на дороге 6 июля 2016 г. в Миннесоте, США.

Движение *Black Lives Matter* является логическим продолжением многовековой борьбы чернокожих американцев за расовое равенство — борьбы, начавшейся в XVII веке, когда на южных плантациях США стали использовать рабов, и не утихавшей до тех пор, пока движение за гражданские права в 1960-е годы не положило конец сегрегации в общественных местах, транспорте и образовании.

Прошлые победы и выступления, пусть даже им не удалось избавить американское общество от расизма, служат для движения *Black Lives Matter* источником силы и вдохновения. Однако что в нем особо примечательно, так это то, что это движение оказалось способно сплотить огромное количество людей вокруг идеи интернационализации социальной несправедливости. Массовые протесты против полицейского насилия и других видов притеснений, прошедшие во Франции, Великобритании, Германии, Австралии, Южной Африке и других странах мира, повлекли за собой коллективное отрицание угнетения, унижения и подчинения.

Спротивление переменам

Люди, выходящие на улицы с антирасистскими плакатами, крупные торговые марки, делающие более инклюзивную рекламу, и книжные магазины, выставляющие на витрины больше произведений чернокожих авторов и книг о расизме, подготовили

почву для изменений. Тем не менее, добиться перемен будет нелегко.

Страх перед общественными беспорядками и материальный ущерб, причиняемый некоторыми манифестантами, могут снизить поддержку антирасистского движения и привести к столкновениям с реакционно настроенными группами и ожесточенным стычкам с органами правопорядка. К примеру, критике уже сейчас подвергается снос памятников. Успеху движения *Black Lives Matter* может препятствовать и отсутствие у него определенного лидера или координирующей структуры. Раскол внутри движения привел к образованию радикального меньшинства, действия которого сложно контролировать.

Для того чтобы социальные перемены стали реальностью, солидарность должна проявляться не только в протестах и символах. «Если бы между людьми не было разногласий и все всегда и во всем соглашались, мы бы более не нуждались в демократии. Демократия — это столкновение интересов, сдерживаемое различными факторами (в частности, конституциями и основными правами человека). Единогласие не является в демократии самоценностью», — напоминает нам преподаватель политологии и истории идей Принстонского университета (США) Ян-Вернер Мюллер в своей статье, опубликованной 30 июня 2020 года во французской газете «Либерасьон». И сейчас нашей главной целью должно быть не просто оказание поддержки чернокожим, а построение общества, основанного на уважении различий и равенстве возможностей.

НАШИ ГОСТИ

Од Бернхайм и Флора Венсан

Биологи по образованию и научные сотрудники Института им. Вейцмана (Израиль)
Од Бернхайм и Флора Венсан являются учредительницами ассоциации *WAX Science*, содействующей обеспечению гендерного баланса в различных отраслях науки.

«Искусственный интеллект нужно обучать»

Могут ли алгоритмы быть сексистскими? На первый взгляд такой вопрос кажется неуместным. Однако алгоритмы искусственного интеллекта разрабатываются людьми, и потому они могут отражать свойственные человеку гендерные и расовые предрассудки, способствуя их закреплению. С другой стороны, они же могут использоваться для содействия равенству мужчин и женщин. Эту мысль развивают в своей книге об искусственном интеллекте и предрассудках французские ученые Од Бернхайм (*Aude Bernheim*) и Флора Венсан (*Flora Vincent*), интервью с которыми мы предлагаем вам ниже.

Беседу провела Аньес Бардон

ЮНЕСКО

● Почему вы решили изучать гендерные предрассудки в искусственном интеллекте?

Од Бернхайм: Сначала нас интересовало влияние равенства мужчин и женщин на развитие науки. В 2013 году мы основали ассоциацию *WAX Science* [от англ. *What About Xperiencing Science* — «Как насчет науки?»], чтобы изучить то, как отсутствие гендерного баланса в научных кругах может отражаться на научных достижениях и технологиях. Так в поле нашего зрения попал искусственный интеллект (ИИ), и мы стали заниматься им. Честно говоря, обнаружив в этой области гендерные предрассудки, мы не испытали особого удивления. Они есть во многих других областях науки, почему же ИИ должен быть исключением? Однако этот факт влечет за собой многочисленные последствия, которые касаются не только таких классических вопросов, как равенство условий труда и заработной платы мужчин и женщин. Стереотипы, заложенные в алгоритмах, могут негативно сказываться на отборе кандидатов на вакансии (к примеру, преграждая женщинам путь к инженерно-техническим должностям), предложениях заработной платы и даже результатах медицинского обследования.

Флора Венсан: Не секрет, что в среде ученых не хватает разнообразия. Однако менее известно то, что это влияет на выбор проблематики и ход исследований. Недавно этот вопрос изучала

© François le Loup

американский профессор истории науки Лонда Шибингер. Она выявила, что чем больше в составе научной группы женщин, тем более вероятно, что гендерный вопрос будет учитываться уже на ранних стадиях исследования. Примеров такого рода дискриминации в научной работе предостаточно. Начиная с того, что доклинические исследования лекарственных препаратов чаще проводятся на самцах крыс, поскольку у них вырабатывается меньше гормонов, чем у самок, и считается, что это облегчает измерение побочных эффектов. А вот другой пример: краш-тесты автомобилей проводятся на стандартных манекенах с ростом 170 см и весом 70 кг, то есть с телосложением среднестатистического мужчины. Получается, что при изготовлении ремня безопасности не учитываются случаи, выходящие за рамки этого стандарта, например, беременные женщины.

● **Информатика всегда была преимущественно мужской дисциплиной?**

О. Б.: Нет, так было не всегда. В начале XX века в информатике требовалось проводить трудоемкие вычисления, и их нередко поручали женщинам. На первых ЭВМ также в основном работали женщины. В то время эта работа не считалась престижной. Еще относительно недавно, в 1984 году, доля женщин среди работников информатики в США была равна 37 %. Для сравнения, в 2018 году во Франции девушки составляли лишь 10 % студентов, изучающих информатику, и предположительно только 12 % тех, кто занимался искусственным интеллектом. Ситуация начала резко меняться в 1980-е годы с появлением персонального компьютера. С этого момента значение информатики для экономики существенно выросло. Стала активно развиваться индустрия компьютерных игр, ориентированных в основном на мальчиков. Постепенно в общественном сознании сложился стереотип, что компьютеры — дело сугубо мужское. Параллельно с этим шла маргинализация женщин. Это показывает, что интерес мальчиков к компьютерам носит не естественный, а культурно обусловленный характер.

● **Кажется, что алгоритмы по своей природе должны быть нейтральными. В какой степени они способствуют распространению гендерных предрассудков?**

О. Б.: Довольно быстро обнаружилось, что алгоритмы перенимают человеческие предрассудки. К примеру, было замечено, что программы для перевода текста обычно переводят названия

профессий в определенном роде. Например, английское слово *doctor* переводится как «врач» (в мужском роде), а *nurse* — как «медсестра» (в женском роде), хотя в языке оригинала никаких указаний на половую принадлежность нет. Первые голосовые помощники, в том числе Алекса, Сири и Кортана, все носят женское имя и демонстрируют покорность в ответ не только на команды, но и на оскорбления в свой адрес (см. вставку). В 2016 году афроамериканка Джой Буоламвини, состоящая научным сотрудником Массачусетского технологического института, занялась изучением алгоритмов распознавания лиц. Она выявила, что обучение таких алгоритмов велось при помощи баз данных, содержащих преимущественно фотографии белых мужчин. В результате этого лица чернокожих женщин и азиатов системы распознавали намного хуже. Можно предположить, что если бы Джой Буоламвини входила в коллектив разработчиков этих алгоритмов, все было бы иначе.

Ф. В.: Разработку алгоритма можно сравнить с написанием текста. Даже если нам кажется, что мы всего лишь перечисляем факты, в тексте всегда будет доля субъективности, которая будет проявляться в выборе слов и структуре предложений. Для обнаружения предвзятости нужно разобрать различные этапы того, что

мы называем «заражением сексизмом». Ведь предвзятый алгоритм появляется не по какой-то одной причине, а в результате целой цепочки причинно-следственных связей, которые закладываются в него на разных этапах его создания. Все, кто разрабатывает, кодирует, тестирует и использует алгоритм, воспроизводят предрассудки, зачастую не отдавая себе в этом отчета. В большинстве случаев никто не стремится к дискриминации намеренно. Как правило, мы неосознанно воспроизводим стереотипы, заложенные в нас в ходе всей нашей жизни и образования.

● **Приходит ли общество к пониманию того, что системы ИИ могут не быть объективными?**

О. Б.: ИИ — область динамичная. Она развивается чрезвычайно быстро, причем как сама технология, так и размышления относительно ее применения. По сравнению с другими дисциплинами здесь очень рано встала проблема дискриминации. Не прошло и трех лет с начала так называемой алгоритмической лихорадки, как было замечено, что к некоторым алгоритмам применяется дифференцированный подход. С тех пор этот вопрос привлекает к себе особое внимание научного сообщества, становясь предметом обсуждений и побуждая ученых к изучению предрассудков в ИИ и влияния алгоритмов с точки зрения этики, математики и информатики.

© François le Loup

С недавнего времени об этом стали говорить и в широкой прессе. Конечно, далеко не все проблемы были устранены, но они были вскрыты, а это важный шаг в сторону их решения.

● **Каким образом можно обеспечить непредвзятость алгоритмов?**

О. Б.: Для начала необходимо сделать так, чтобы используемые для обучения машин базы данных отражали все разнообразие населения. Ряд предприятий уже прилагает усилия в этом направлении, работая над созданием баз данных, учитывающих различия по полу, национальному признаку и телосложению. После публикации исследований, указывающих на недочеты в работе систем распознавания лиц, некоторые компании провели повторное обучение своих алгоритмов, направленное на повышение их инклюзивности. Появились также компании, специализирующиеся на разработке инструментов для оценки степени предвзятости алгоритмов.

Ф. В.: Параллельно с этим в научно-исследовательских кругах начались обсуждения того, как обеспечить большую независимость оценки алгоритмов и их прозрачность. Некоторые ученые, в том числе Джой Буоламвини, выступают за разработку единого гендерно-нейтрального (гендерно-инклюзивного) кода, по аналогии с гендерно-нейтральным языком. Среди уже ведущихся проектов в этой области можно отметить сеть *Data for Good*, участники которой вместе ищут ответ на вопрос о том, как можно использовать ИИ на благо всех. В рамках сети была составлена морально-этическая хартия, названная «Клятвой Гиппократа для специалистов по анализу данных». В ней дается подробный перечень конкретных параметров, которые следует проверить до внедрения алгоритма на практике, чтобы удостовериться, что он не носит дискриминационный характер. Очень важно оказывать таким инициативам поддержку.

● **Может ли ИИ в будущем стать примером успешной борьбы с предрассудками?**

О. Б.: В каком-то смысле да, учитывая, что в обществе довольно быстро осознали, что эта технология может способствовать укреплению предрассудков. Искусственный интеллект преобразует наше общество коренным образом, и эти изменения могут быть положительными.

Голосовые помощники: цифровые носители гендерных предрассудков

«Я бы покраснела, если бы могла»: так голосовая помощница Сири на протяжении нескольких лет отвечала на адресованные ей оскорбления. Этот нелепый ответ (англ. *I'd Blush if I Could*) послужил заголовком одной из публикаций ЮНЕСКО, посвященной влиянию гендерных предрассудков на самые распространенные в мире интеллектуальные устройства — голосовых помощников.

Алекса (*Amazon*), Кортана (*Microsoft*), Сири (*Apple*)... Большинство голосовых помощников носят женские имена, говорят женским голосом и отличаются послушным «характером». Рабская покорность, демонстрируемая этими прочно вошедшими в нашу жизнь устройствами, служит ярким примером сексистских предрассудков, носителем которых сегодня оказывается искусственный интеллект.

В этом нет ничего удивительного: большинство специалистов, работающих над новыми технологиями, — мужчины. Женщины составляют только 12 % ученых, занятых в области искусственного интеллекта, и всего лишь 6 % разработчиков программного обеспечения. Они подают в 13 раз меньше заявок на выдачу патента в сфере информационно-коммуникационных технологий, чем мужчины.

В вышеупомянутой публикации ЮНЕСКО сформулирован ряд рекомендаций, направленных на борьбу с этими предрассудками. В частности, в ней выражен призыв прекратить по умолчанию наделять голосовых помощников женским голосом, и рекомендуется программировать их таким образом, чтобы не поощрять оскорбления сексистского характера. В публикации также подчеркивается необходимость обучения девочек и женщин техническим специальностям с целью дать им возможность разрабатывать новые технологии наравне с мужчинами.

Статистические исследования относительно равенства в сфере ИКТ дают неожиданные результаты. В странах, наиболее близких к обеспечению равноправия полов, в частности в Европе, количество женщин, получающих образование в области новых технологий, меньше, чем в ряде стран с низким уровнем гендерного равенства.

Так, доля женщин среди выпускников вузов, получивших диплом в сфере ИКТ, в Бельгии составляет всего 6 %, а в ОАЭ – 58 %. В связи с этим авторы публикации настаивают на необходимости принятия мер, способствующих привлечению девушек и женщин к получению образования в сфере цифровых технологий во всех странах.

Публикация «Я бы покраснела, если бы могла», представленная в мае 2019 года, была подготовлена совместно с Федеральным министерством экономического сотрудничества и развития Германии и глобальной коалицией *EQUALS*, которая объединяет правительства и организации, занимающиеся вопросами обеспечения гендерного баланса в сфере технологий.

В частности, ИИ позволил обрабатывать и анализировать огромные объемы данных. Благодаря этому, в 2016 году компания *Google* разработала алгоритм по подсчету времени, на протяжении которого говорят женщины в популярных американских фильмах. Выяснилось, что женщинам принадлежит меньше экранного времени, чем мужчинам. Однако просто выявлять подобные случаи недостаточно: параллельно нужно стремиться к обеспечению гендерного баланса в среде разработчиков алгоритмов. Сегодня же по целому ряду причин, включая самоцензуру девочек и девушек, добровольно избегающих

научных областей, и царящий в индустрии высоких технологий сексизм, очень мало женщин идут изучать информатику. Для изменения этой тенденции потребуется время.

Ф. В.: Безусловно, искусственный интеллект нужно обучать соответствующим образом, но внесение небольших поправок в код не решит всех проблем. Важно помнить о том, что никаких усилий по созданию гендерно-непредвзятых алгоритмов не будет прилагаться до тех пор, пока в командах разработчиков не будут в равной степени представлены оба пола.

НАГЛЯДНО

Бейрут: восстановление начинается с образования и культуры

CC BY-SA 4.0 photo by Edeyrn87

📍 Дворец Сурсока до взрывов, июнь 2020 г.

📍 Дворец Сурсока, возведенный в XIX в. в старинном бейрутском квартале Ашрафия, располагал обширной коллекцией произведений искусства. Он и расположенный напротив музей Сурсока серьезно пострадали от взрывов.

Мила Ибрагимова

ЮНЕСКО

Не успев оправиться от последствий недавнего экономического кризиса и пандемии коронавируса, 4 августа 2020 года Ливан пережил новую трагедию. Два мощных взрыва, прогремевшие в порту Бейрута, унесли жизни около 200 человек и превратили в руины часть ливанской столицы.

В стремлении помочь городу встать на ноги 27 августа ЮНЕСКО начала международную кампанию *Li Beirut* («Для Бейрута» в переводе с арабского языка). Ее цель — собрать средства для восстановления школ, объектов исторического наследия, музеев и художественных галерей.

По предварительным данным, от взрывов пострадало не менее 8000 зданий. В их число входит 640 исторических построек, около 60 из которых находятся под угрозой обрушения. Серьезный ущерб был нанесен музею Сурсока и археологическому музею Американского университета Бейрута, а также кварталам Геммайзе и Мар-Михаэль, занимающим важное место в культурной жизни города. Художественные галереи Марфа и Танит полностью разрушены. Кроме того, ожидается, что культурные учреждения Бейрута столкнутся со значительным сокращением дохода, в то время как в ближайший год для восстановления объектов наследия и креативной экономики потребуется, по приблизительным оценкам, 500 миллионов долларов.

Серьезные потери понесла и сфера образования. От взрывов пострадали по меньшей мере 163 государственные и частные школы в Бейруте и окрестностях, в результате чего более 85 000 учащихся могут лишиться возможности получать образование. Оказались повреждены также 5 профессионально-технических учебных комплексов, в том числе 20 училищ и институтов. ЮНЕСКО взяла на себя роль координатора усилий ООН, ее партнеров и доноров по оказанию поддержки сфере образования в Бейруте. В целях обеспечения непрерывности учебного процесса она обязалась незамедлительно приступить к реконструкции 40 из 163 пострадавших школ за счет уже собранных средств. По оценкам, на восстановление системы образования в ливанской столице потребуется сумма в 23 миллиона долларов.

163 школы получили повреждения

Государственная школа в квартале Ашрафия.

85 000 учащихся лишились возможности посещать учебные заведения

© UNESCO / Fouad Choufany

23 млн долларов требуется на восстановление сектора образования

© UNESCO / Fouad Choufany

Школа трех докторов в квартале Геммайзе.

ЮНЕСКО в качестве координатора деятельности по восстановлению образовательных учреждений обязалась немедленно восстановить

40 из 163 пострадавших школ

8 000 зданий
пострадали
от взрыва

640 исторических
сооружений были
повреждены

Квартал Мар-Михаэль,
13 августа 2020 г.

60 из них
находятся
под угрозой
обрушения

500 млн

долларов требуется
на восстановление
объектов наследия и
поддержку креативной
экономики

Сделать
взнос для
Li Beirut

Галерея
современного
искусства Танит
два дня спустя
после взрывов.

Новые публикации

Всемирное наследие № 95

Объекты наследия и COVID-19

ISSN 1020-4202

(издание на английском языке)

EAN 3059630101950

68 стр., 22 x 28 см, мягкая обложка, 7,50 €

Совместное издание ЮНЕСКО и Publishing for Development Ltd.

В начале 2020 года пандемия коронавируса погрузила весь мир в беспрецедентный кризис, затронувший каждого из нас. Его последствия ощутили на себе и объекты всемирного наследия. Резкая остановка туристической деятельности, неизбежно ведущая к сокращению потока посетителей и связанной с ними прибыли, лишила их важного — а подчас и единственного — источника средств, необходимых для сохранения и обслуживания объектов и выплаты заработной платы персоналу.

Однако можно отметить и положительные моменты. Отсутствие посетителей предоставило природным объектам столь необходимую передышку и позволило провести на ряде культурных памятников ремонтно-реставрационные работы. В этом выпуске «Всемирного наследия» управляющие объектами рассказывают о том, как они пережили этот непростой период.

Инклюзивность и образование: для всех означает для всех

Резюме Всемирного доклада по мониторингу образования 2020 г.

34 стр., 21,5 x 28 см, PDF

Издательство ЮНЕСКО

Доступно на сайте <http://unesdoc.unesco.org>

Во Всемирном докладе по мониторингу образования за 2020 год рассматриваются социальные, экономические и культурные механизмы дискриминации, в результате которых обездоленные дети, молодые люди и взрослые не могут получать образование или оказываются в маргинальном положении.

В подтверждение своей приверженности делу обеспечения права на инклюзивное образование страны расширяют свое видение инклюзивности в образовании, отводя разнообразию центральное место в рамках своих систем. Однако воплотить в жизнь правильные по своей сути законы и стратегии зачастую не удается.

В разгар кризиса COVID-19, который лишь усугубил проблему неравенства, как никогда актуальна главная мысль доклада: отказ учитывать потребности каждого учащегося представляет собой реальную угрозу для решения глобальных задач в области образования.

Показатели вклада культуры в реализацию Повестки-2030

ISBN 978-92-3-400030-7

114 стр., 21 x 28 см, PDF

Издательство ЮНЕСКО

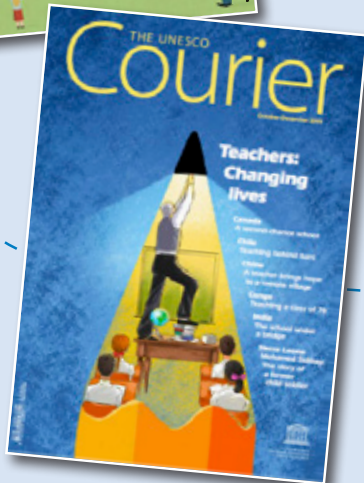
Доступно на сайте <https://unesdoc.unesco.org>

В этом документе представлен набор тематических показателей, предназначенных для оценки и мониторинга вклада культуры в реализацию целей и задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года на национальном и местном уровнях.

Данная методология разработана для оказания помощи странам и муниципальным образованиям, чей потенциал в области сбора данных и статистики по вопросам культуры существенно различается. Полученные благодаря ей данные станут основой для разработки политики и директивных документов, а также для принятия практических мер, направленных на более активную поддержку культуры как самостоятельной сферы деятельности и на более широкое признание ее междисциплинарного вклада в развитие других секторов.

Множество голосов, один мир

Этот номер «Курьера ЮНЕСКО» представлен на шести официальных языках Организации, а также на каталонском, корейском, португальском и эсперанто.

Подпишитесь на печатную версию

на один год (4 номера): 27 €
на два года (8 номеров): 54 €

Доход от продажи используется исключительно для возмещения затрат на печать.

<https://ru.unesco.org/courier/subscrib>

Подпишитесь
на электронную версию журнала

100%
БЕСПЛАТНО

Тыльная сторона обложки:

Во сколько оценивается душа народа?

Праведные судьи

Ян и Хуберт ван Эйк, 1432 г.

Нижняя левая створка знаменитого Гентского алтаря — объекта национального достояния и шедевра Фламандского Возрождения, созданного братьями ван Эйками. Считается, что живописцы изобразили на композиции свои собственные портреты. В 1934 году створка была похищена, и ее местонахождение до сих пор остается неизвестным.

Знайτε истинную цену искусства.

50 лет борьбы с незаконным оборотом культурного наследия

How much for the soul of a nation?

The Just Judges **Jan and Hubert Van Eyck, 1432**

This is the lower left panel of the Ghent Altarpiece, a national treasure and one of the major paintings of the Flemish Renaissance. This essential part, which may contain portraits of Jan and Hubert Van Eyck, was stolen in 1934 and never found again.

Know the real price of art.

50 YEARS OF FIGHT
AGAINST ILLICIT TRAFFICKING
OF CULTURAL PROPERTY.

